

18+

Олег Раин

ЭБ

Олег Раин

ЗБ

«Издательские решения»

Раин О.

ЗБ / О. Раин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962723-0

ЗБ, или заброшенная больница, — это что-то вроде «сталкерской зоны». Вне этого здания кипят нешуточные страсти, и симпатичный облик героинь вовсе не гарантирует доброго поведения. Старшеклассницы живут по суровым законам современности, воюя за лидерство, объединяясь в стаи. Пятнадцатилетняя Валерия умеет за себя постоять. Вдвоем с подругой она вынуждена отступить под натиском родного класса, и только помощь загадочного здания позволяет им одержать победу, превратить вчерашних врагов в друзей.

ISBN 978-5-44-962723-0

© Раин О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1 Злющая, забытая, на весь мир сердитая	9
Глава 2 Охота за другом	16
Глава 3 Галоп обреченных	21
Глава 4 Знакомьтесь, это Чудо!	29
Глава 5 Этот сладкий Иномир	36
Глава 6 Запах Тайны	42
Глава 7 Кража	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ЗБ

Олег Раин

Иллюстратор Марина Богуславская

© Олег Раин, 2020

© Марина Богуславская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4496-2723-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я-то знаю: шесть и, правда, нехорошее число. Шестеро школьников вошли в ЗБ и не вернулись. Потом их искали по всему городу, искали в центральном парке, искали в ЗБ, но безрезультатно. Кто-то утверждал, что, возможно, и не здесь они пропали, может, куда-то решили отправиться – в какой-нибудь секретный поход, но факт остается фактом: в парк они точно заглядывали, а трое ребят даже уверяли, что наблюдали их бредущими в направлении заброшенной больницы, но вот дальше следы школьников терялись. Четверо мальчишек и две девочки растворились в воздухе. По крайней мере, вне парка и вне ЗБ их больше не видели.

Ну, а ЗБ с тех пор заметно потемнело – пожары там стали приключаться чуть ли не каждую неделю. Да и было с чего – публика в старое здание заглядывала самая пестрая – кого я там только не встречала – сталкерготов, эмо, ведьмаков всех мастей и рангов, просто туристов из других городов. Рок-музыканты снимали там клипы, любители экстрима назначали в полночь свидания.

И только позже – уже года через три, одноклассница одного из пропавших, оказавшись вблизи обгоревшего здания, задержалась, чтобы поправить шнурки. Она тогда пробежку делала и могла, наверное, проскочить мимо, но задержали шнурки. И вот когда она их завязывала, ее негромко окликнули. Так ей, по крайней мере, почудилось. Девочка подняла голову и в окне второго этажа разглядела одного из пропавших одноклассников. Только вот был он почему-то в каске и в великоватом для мальчишечьей фигуры камуфляже. Мальчишка смотрел на нее во все глаза, улыбался и махал рукой. Она попыталась ответить, но голова у нее закружилась, и девочка повалилась наземь. Ну, а когда пришла в себя, разумеется, никакого мальчишки в окне уже не было. Кстати, на рассказ ее реакция была поначалу вялой – мало ли что может привидеться школьнице! Если верить всем рассказам да еще в наше смутное время – сто раз с ума сойдешь. А то и тысячу. Но девятиклассница стояла на своем, продолжала звонить кому только можно, чуть не плакала, уверяя, что все чистая правда. С тем пареньком она ведь и за партией полтора года сидела, дружила даже – так что обознаться никак не могла. В итоге к ЗБ отправилась порядочная толпа школяров в сопровождении нескольких взрослых – учителей и родителей.

Было еще по-летнему светло, и кто-то из первых приблизившихся к зданию громко ахнул. Потому что в оскаленных стекольными зубьями окнах собравшиеся и впрямь разглядели пропавших. Это были все те же шестиклассники – с юными лицами и звонкими голосами, за все минувшие годы ничуть не изменившиеся. По словам очевидцев, дети шагали, перемещаясь от окна к окну – при этом размахивали руками и о чем-то оживленно спорили. На головах двоих действительно красовались каски – не строительные, а самые настоящие армейские! Вместо школьной униформы обряжены дети были в камуфляж, и голоса их узнали многие, хотя пересказать содержание спора, никто отчего-то не мог.

На крики стоявших на улице школьники никак не реагировали – просто промелькнули в окнах и пропали. Разумеется, нашлись храбрецы, что немедленно ломанулись в черное здание, махом добравшись до тех самых окон. Оставшиеся внизу наблюдали, как мечутся ребята по коридорам, как выкрикивают знакомые имена. Неизвестно, сумели они обежать все этажи и коридоры ЗБ – скорее всего, нет, но только тот вечерний забег завершился ничем. Схватившись за сотовые, взрослые принялись названивать во все инстанции, и с некоторым запозданием на сигнал отозвались. К зданию подкатила кавалькада машин: завывающие сиренами пожарные, полиция с мигалками, сразу два фургона поисковиков-спасателей. Огромное здание оцепили, а внутрь с фонарями и мегафонами поспешили волонтеры. Да только никого они не обнаружили.

Уже глубокой ночью, когда сквозь ветхий пол провалился один из пожарных, поиски решено было прекратить. Мужчина отделался растяжением и ушибами, но рисковать не стали. Всех поисковиков и просто любопытствующих заставили покинуть ЗБ. На этом скандальное происшествие закончилось. Происшествие, но не история ЗБ...

Пропавших ребят встречали еще не раз и не два. Во всяком случае, слухи такие по городу циркулировали. Могли, конечно, и обознаться – молодежи в здание забредало немало, но скоро стало не до того. В далеких приграничных районах вновь забурилась война, и артиллерийское эхо начало прокатываться по стране – от Черного моря и до Японского. Все равно как экзотические торнадо, взявшиеся разгуливать по Сибири и местам, где никогда прежде их не видели. Самое страшное, что и к торнадо, и к войне тоже постепенно привыкали, привыкли и к ЗБ. Тем более что загадочных мест подобных нашей больничке в инете хватало.

Заброшенки, неблагополучные зоны, здания-призраки – все эти места объединяло то, что однажды их взяли и бросили. Все равно как мячики, затерявшиеся в зарослях чертополоха или крапивы. Бывшие санатории и психбольницы, недостроенные гостиницы и военные объекты – всем им люди придумывали свои особые имена. Вот и нашу заброшенку пробовали называть и Зубом и Зобом, однако чаще именовали коротко и емко – ЗБ. Здание хоронилось в кустистом огромном парке – чуть ли не в самом центре города. Одно время парк тоже стоял заброшенным, такое уж было на дворе время – время безумных забросов и закидонов. Но позже администрация города попыталась навести в нем порядок. Восстановили ограду, убрали поваленные деревья, подкрасили и подлатали мост через реку Быстрицу, а у входа повесили плакат, предупреждающий о том, что отдыхающим строго-настроено запрещено разжигать костры, а за выгул собак и разбрасывание окурков станут нещадно карать – в смысле, ловить и вручать штрафные квиточки. И конечно же, ничего не изменилось – по-прежнему разжигали костры, выгуливали собак, разбрасывали окурки – знали, что серьезной охраны нет и в ближайшие годы не предвидится.

Но парк – ладно, а вот наше ЗБ было когда-то роскошной больничкой. Поскольку строилось еще в незапамятные времена – с размахом и роскошью – специально для служащих НКВД. Позже там стали и обычных людей принимать – причем лечили по высшему разряду – так, что больных привозили даже из Москвы и Ленинграда. Потому что хорошая была больничка – одна из самых крутых в Советском Союзе.

Только когда началась эра большой стрельбы и больших перемен, в больницу приехал человек из столицы и объяснил изумленным врачам, что время их кончилось, что больница приватизируется и перестраивается под торгово-развлекательный центр, что больницы, детские сады и библиотеки народу теперь не нужны, а нужны боулинги, игровые площадки и попкорновые кинозалы. Человек был маленького роста, но окружало его такое количество плечистых охранников, что спорить врачи не посмели. Мама моя, тогда еще студентка медицинского, проходившая практику в больнице, видела столичного гостя и тоже была в шоке. Сама я, правда, не очень понимала, что же поразило ее больше – обилие охраны или убийственная речь чиновника, убеждавшего, что всякого рода сомнительные заведения вроде общественных поликлиник, библиотек и домов престарелых очень скоро исчезнут. Исчезнут за полной своей нерентабельностью.

С тех пор все и началось, а может, наоборот – закончилось. Сначала больницу закрыли на ремонт, но ремонт оказался бессрочным, и персонал будущего ЗБ потихоньку разбежался. Правда, подмять под себя лакомую площадь загадочный начальник так и не сумел. Где-то наверху началось ожесточенное перетягивание каната, и совершенно неожиданно здание оказалось ничьим. С одного баланса его сняли, а вот принять на другой так и не вышло. Подобно всякому осиротевшему строению больница начала стремительно стареть и разрушаться. То тут, то там обваливались стены с потолками, в разных концах здания периодически вспыхивали пожары, а потом...

Потом оно превратилось в ЗБ – в нечто культовое и пугающее, куда перестали заглядывать бомжи и опасались заходить даже нарки с безбашенными скинами. Многих это место пугало, многих манило, а я... Я нашу заброшенку сумела полюбить. То есть сначала полюбила, а потом и подружилась. И до сих пор не могла понять, как же так вышло, что однажды ЗБ меня заприметило.

Живое оно было, понимаете? Несмотря на все свои разрушения, горести и пожары. И пропускало внутрь себя не каждого. Между прочим, тех шестерых ребятишек однажды мне оно тоже показало. Недолго и издалека, но показало. А вот зачем – об этом я могла только гадать. Может быть, чтобы немного подразнить, а может, наоборот, чтобы чуточку успокоить. Что-то, а утешения были мне нужны. Нервной я росла девчонкой – не то чтобы совсем уж чокнутой, но суровой и крайне неуравновешенной.

Глава 1 Злющая, забытая, на весь мир сердитая

Дверь хлопнула за спиной, точно выстрелила. Я запрокинула лицо и позволила небу осушить глаза. Есть у меня такое умение. Малыши рукавами да платками слезы размазывают, а я их в себя втягиваю. Надо только на яркое что-нибудь взглянуть, и все само собой получается. Выдох ртом, вдох глазами – и слез нет. Ну, или почти нет.

Жаль, конечно, что улица кругом, людей много, а то бы еще и повыла по-волчьи. Для успокоения нервов и полной разрядки. Потому что достали. Все и всё!

И еще раз для непонятливых по слогам: ДО-СТА-ЛИ!

А если совсем уж честно, то достают главным образом те, кого мы считаем самыми близкими. Это уж так жизнь нам подстроила, что самые близкие жалят больше всего.

Нет, ну, в самом деле, – почему?!

Еще вчера, был такой волшебный закат! Я бы сказала – щемящий. Прямо танцевать хотелось! Смотреть, восхищаться и плакать. Розовой патокой вечерний свет просачивался сквозь липовую и тополиную листву, густым медом растекался по городским улицам, золотя стены и асфальт. Такие медовые закаты наверняка подслащивают близкие сны, но это было вчера, а сегодня меня бесило буквально все: и жаркий тротуар, и какие-то молодые огрызки, cedящие пиво на дворовой лавочке, и снулые лица прохожих.

Я прямо как через линзу дурную на мир взглянула. Все изменилось и перекошилось – грязные стены домов, обшарпанный кирпич, ямищи на дорогах, грязюка. Еще и машины кругом – прямо одуреть, сколько их наклепали! И неба почти не видно – тут заводские трубы, там домины в шестнадцать этажей, а между крыш неряшливой паутиной оптические кабели. Тетечки все толстушие – прямо уточками переваливаются, а у мужчин сплошь и рядом пузо через ремень. Плюс подбородки двойные, загривки тройные, небритость, татуировки... Смотришь и гадаешь – в городе ты живешь или в зоопарке. Вроде на зоопарк больше похоже, только животные там не бродят с пивом в руках и не орут в телефоны, не ругаются...

Поправив на плече ляжку от сумки с ноутбуком, я добрела до детской песочницы, ненадолго присела. Нет, легче по-прежнему не становилось. Горло саднило от обиды, а сердце словно кто между ладоней катал и мял. Одной рукой я потеряла грудь, второй сгребла песок и стиснула в пальцах так, что самой стало страшно. Эх, была бы я поменьше, отправилась бы к Ие Львовне в библиотеку. У нее там уголок плакатный – специально для разобиженных деток – крохотное пространство за ширмой, где размещался крохотный столик, а на нем непременная ваза с сушками и конфетками. Ну и чай, конечно, из ароматных травок. В дни зарплат Ия Львовна или Иечка, как звали ее дети, еще и шоколад покупала – исключительно горький. Это после того дурного случая, когда один из родителей наябедничал директору, поставив в вину юной библиотечарше, что вместо книг она потчует детей сладостями и портит им зубы. Вроде как кариес вместо грамоты! Так это примерно звучало в его устах. Ну, и директриса обрадовалась, она-то нашу Иечку с первых дней невзлюбила, и закуток действительно проверили. На счастье Ии Львовны, кроме сушек и одинокой плитки шоколада ничего криминального не обнаружилось – детки успели все подесть. А шоколад оказался горьким, что и спасло библиотечарю. Даже директор кое-что временами почитывала и потому была в курсе, чем горький шоколад отличается от молочного. Ну, то есть, примерно такая же разница, как между подсолнечным маслом и пальмовым. Одно лечит, другое калечит. Поэтому Ие Львовне на всякий случай погрозили пальчиком, однако чаепитий запрещать не стали.

Только туда мне было идти уже не по возрасту. Это лет до десяти можно плакаться, а потом... Потом твои проблемы – это только твои и ничьи больше. И как можно рассказывать постороннему человеку про семейные ссоры? Да и про внешность ни с кем особенно не поговоришь. А поговорить хотелось. Другие-то всюю увлекались селфи, обменивались эмэмэс-

ками с видео, я же свои фото давно невзлюбила. С тех самых пор, когда Маркушина впервые назвала меня уродиной. Она-то за сказанное, конечно, от меня огребла, но слово, как известно, не воробей. Уже дома я себя в зеркале долго рассматривала и поняла, что гадина Маркушина права. Нечем мне было гордиться: челюсть тяжеловатая, рот узенький, губы не «айс», глазки серенькие, злые – никакого нигде силикона, никаких припухлостей. И волосы жесткие, то ли выются, то ли нет – не поймешь. Даже цвет – и тот пегий. То есть среди соломенного разнотравья этакая бронзовая прядь над самым лбом. Маму даже в школу вызывали, говорили, что рано девочке делать мелирование. А я разве виновата, что оно само так растет? Какое уж там мелирование, я вообще за волосами не ухаживала, мыла – и больше ничего, поэтому на голове у меня черт те что творилось – впереди светлый ерш с бронзовой прядкой, позади форменная копна. Короче, батька Махно в юбке. Хотя и юбок я давно не носила, предпочитала шорты с джинсами. А еще я всегда помнила о своем росте. Я ведь класса до шестого была выше всех! Этакая дылда, поглядывающая на некоторых учителей сверху вниз. Может, потому и дралась напропалую. Глупо, имея такой рост, не воевать за справедливость. Я и воевала – защищала всех и ото всех. Причем колотила нередко и старшекласников, ну, а наших девочек по струнке строила, курить не разрешала, ругаться запрещала. И ведь слушались! Даже потом когда начали потихоньку обгонять в росте. Теперь уж я и не самая рослая была, однако привычка сутулиться осталась...

Я порыскала глазами и, конечно, отыскала на земле подходящий объект – пакет из-под суррогатного сока. Поднявшись, сделала шаг и со всего маху пнула по коробке. Картонная упаковка взлетела в воздух и приземлилась в заросли крапивы и чистотела. Вот там ей самое место! Потому что соки коробочные не лучше пальмового масла – такая же отравка для детских желудков. Как однажды выразилась мама: «переходная стадия к наркотикам». Потому что вырабатывают такую же зависимость. Во всяком случае, после «Пепси» и подобных соков дети ничего натурального уже просто не пьют.

При воспоминании о маме мне снова стало плохо. Блин! До чего же скверно, когда нет тыла, когда ты одна – совсем одна. А ведь это родители! Считаю, главные союзники по жизни. Только какой там союз, когда и то им не так, и это не этак. Приезжают из своих секретных командировок – и отыгрываются на мне. Словно это я виновата, что у них тяжелая работа! А мне разве не тяжело? В школе без того дела – хлам, времени постоянно в обрез, а тут еще дома сплошные армагеддоны. Точнее, начиналось-то все обычно в школе, а дома вместо того чтоб утешить да поддержать, принимались подпевать учителям. Это наша классная, Вервительевна, им позвонила да наклеузничала, ну, а родители – они же в одну дуду с педагогами обязаны дуть – вот и взялись за хоровое дудение. Учителя, значит, пилят-трамбуют – и родителям предлагают поучаствовать. Потому что, по общему мнению, это помогает процессу образования, способствуют дисциплине – и все такое. Так что «родительская помощь» началась сразу после уроков. Сперва пропесочили из-за оценок, потом из-за прохладного отношения к своему будущему, ну а дальше пошло-поехало – вульгарная речь, дурное поведение на переменах и прочие дела. Ну, да! – сейчас же на переменах ни бегать, ни прыгать не разрешают, и я, понятно, не прыгала, но кое-что вчера себе все-таки позволила. Во-первых, в сто сорок первый раз демонстративно прошмыгнула мимо турникета. Камере палец показала и поднырнула под штангу. Во-вторых, затеяла спор про гаджеты в библиотеке. Это уже Марат с Кариной из параллельного меня спровоцировали. Потому как книги их не интересовали, а интересовало «селфи» на фоне книжных полок. Вот я немножко и издевулась над ними, а заодно сравнивала с землей весь современный прогресс с его айфонами, планшетами и айпадами. При чем библиотекарша Ия Львовна меня поддержала, а за Марата с Кариной вступились их одноклассники. Ну, и разгорелся сыр-бор, пока на наши вопли не примчался школьный актив. Понятно, досталось всем без исключения. Только и это было прелюдией перед главным блюдом, потому что на последней перемене я взяла и оттаскала Снежану Маркушину за ухо. Вроде и мало

было очевидцев, но сейчас ведь камер кругом понатыкали! Еще и ябедничать школяров приучают. Так что нашлись доброхоты – доложили директору, а там и снятое камерами внимательно просмотрели. Разумеется, взялись воспитывать – сперва в учительской, потом дома. Заметьте, ни там, ни здесь я так и не сказала, что симпатичная и вечно нарядная Снежана, имеющая средний бал четыре и восемь, уже всю ругается матом, рассказывает похабные анекдоты и активно рыщет в сети, отыскивая богатеньких иностранцев. Зачем? Да чтобы выскочить замуж и сделать любимой родине ручкой. Хотя уедет – воздух чище станет, и наказала я Маркушину совсем за другое. За новенькую нашу наказала.

Это у нас в классе ротация такая ежегодная – одни уезжают, другие приезжают. Ну, и понятно, кто-то вечно оказывается в ранге новеньких. И я во втором классе была новенькой – потому что переехала из Октябрьского района, и Альбинка года три назад тоже была новенькой, и Катюха с Веркой, и даже моя закадычная Стаська, очутившаяся в нашем классе как раз под Новый Год, точно подарок от деда Мороза. Только недолго я радовалась этому подарку, минувшей зимой все семейство Стаськи переехало жить в Австралию. И ладно бы одна Стаська – следом за ней родители забрали из школы Катюху, которая жила и училась теперь в Екатеринбурге. Так и осталась я без Стаськи и Катюхи – совсем одна. Прежние новенькие стали старенькими, а обычные приятельницы стремительно перекрасились. Ветеранами себя почувствовали, хозяйками жизни! И вроде как право получили изводить всех тех, кто приходит в наш класс впервые. Разве не свинство? А тут еще эта Лиза, девочка беженка, – прямо меня поразила. Глаза у нее были такие... – ну, просто невозможно объяснить! Отчаянные и умоляющие одновременно. Я сходу поняла, что таких обижать нельзя. Нехорошо это и подло. Она и впрямь глядела на нас с какой-то оглушающей надеждой, словно все мы были ее последним пристанищем. Стояла у доски и смотрела, пока Вервیتالьевна ее представляла. А потом, когда классная заговорила о том, как тяжело приходится беженцам, вдруг вспыхнула и опустила голову. Но перед этим, мне показалось, что в глазах ее промелькнула горечь. Нехорошая такая – с примесью разочарования.

Может, я что-то и нафантазировала, но мне сразу стало ясно, что наши забияки в нее вцепятся. Не мальчишки, так девчонки. Так оно и получилось: на первой же перемене Маркушина подошла к новенькой и невинно так спросила:

– Ты говорят, беженка. Не расскажешь, откуда сбежала?

Не самый жуткий вопрос, но надо знать Снежанку с ее интонациями, чтобы оценить всю ехидность сказанного. Новенькая собиралась промолчать, но Маркушина не отставала.

– Але, новенькая, а где твой сотовый? Неужто вон то поленище? И кнопки какие здоровские, – пальцем-то хоть попадаешь? – девчонки за спиной провокаторши с готовностью прыснули.

– Не дашь номерок? – продолжала Маркушина. – Мы тебе эмэмэсок накидаем – с личиком твоим. Прямо сейчас фоткнем – и пошлем...

Я не выдержала:

– Ты бы не лезла к ней, а?

– А ты бы не вмешивалась, а? – отмахнулась Снежана. Еще и голос мой скопировала. – Ты ведь у нас тоже вроде беженки. Только слегка наоборот. Не ты, а от тебя все сбегают. Прямо по всему миру разбегаются.

Это она про Стаську мне намекала, хотя все знали, что были мы лучшими подругами, и в Австралию Стаська поехала вместе с родителями, а вовсе не сама по себе. Кстати, и не хотела она уезжать – как мы тогда обнимались да плакали, знал бы кто! Но Маркушина взяла и выложила эту пилюлю – да еще своим ангельским хорошо поставленным голосом – при новенькой и при свидетелях. И что обидно – верно ведь подметила про бегущих. Стаська, понятно, не в счет, и Катюха не в счет, но другие-то действительно сбежали. Хотя до появления Альбинки все они дружили как раз со мной. Ну, или делали вид, что дружат. А после одна за другой переметнулись к новому лидеру.

Короче, тут любой бы психанул – я и взъярилась. Хорошо парням – могут руки запросто распускать, даже по лицу бить, а нам как быть? Не кулаками же размахивать! Но и Маркушина, дурочка такая, забыла про мой темперамент – и очень даже напрасно. Я сама поразилась, как у меня все получилось жестко и быстро: цапнула одноклассницу за ухо, пригнула к полу, второй рукой ухватила за шею и оттаскала по полной. Вот только про камеры, идиотка такая, забыла. Мне потом в кабинете директора напомнили про них и ролик показали, чтоб не отнекивалась. А я и не стала ничего отрицать, только попросила сбросить видео на сотик. Типа, как раз подходящий прикол для инета.

Тут-то их и прорвало – прямо в лобовую поперли. Маркушина-то у них пай-девочка, всегда на хорошем счету. Еще и папочка школе финансово помогает, в гимназический фонд ежегодно отстегивает. Ну, а Валерия Аникина (я, то есть) как раз наоборот – вечно в контрах с учителями, в школьных мероприятиях участвует редко, с одноклассниками конфликтует. Короче, разогрели голоса до точки кипения. Жаль, нельзя было уши заткнуть наушниками. Пришлось выслушивать весь этот рок-н-рол от первой ноты до последней.

Но хуже всего, что концерт возобновился дома. Вот это была уже полная жесь, и тут я знала: ни аргументы, ни оправдания – ничто не поможет. Припомнят все свои нервы и скомканные надежды, все мои промахи и не выполненные домашки. Прав был Жорж Сименон, говоря, что, «задавая домашнее задание, учителя метят в учеников, а попадают в родителей». Про это я им тоже ляпнула, но меня даже не услышали. Странное такое заболевание – неумение слушать и слышать! Похоже, у взрослых это давно уже перешло в стадию эпидемии. Ведь даже не расспросили – сразу пошли метелить из всех калибров. Выдали и за пострадавшее ушко Маркушиной, и за все мои обильно-хронические недостатки. В самом деле – почему слишком гордая, почему внешний вид ужасный, почему грубо разговариваю, почему в рюкзаке кавардак? Еще и в комнате не прибираю, в книги вместо добротных закладок спички сую, учителей не уважаю, родителей не слушаю. И еще сто сорок три «почему», «зачем» и «чего ради».

А как ответишь на такой селевой поток? Тем более что ответы им вовсе и не требовались, им разрядка была необходима. Вроде эстафеты, понимаете? Учителя их напрягли, а они на меня перекинулись. В таких случаях ответов, действительно, не ждут – важен сам прессинг – сабель звон и все такое. Результат же требуется один-единственный: чтобы пошла на попятную, повибилась и осознала. Чтобы поняла, наконец: если в кармане готовенький паспорт, то и в голове должна зародиться вполне взрослая ответственность. За уши одноклассниц, за оценки в дневнике, за уроки и не заправленную кровать.

Я даже головой помотала. Не-е-е... Конечно, мир какое-то время можно терпеть – но когда такая куча всего наваливается – да еще в течение короткого промежутка времени, поневоле крыша съедет. Это как два снаряда да в одну воронку. Только в мою – не два, а целый рой успел залететь.

Вот и завелась. Попробуй не заведись, когда тебя так умыли, а после отобрали смарт, лишили денежной карты и отключили от сети. Это они таким образом воспитывали меня – взяли и лишили интернета. Компьютер оставили, а роутер со смартфоном забрали. Причем я надеялась, что где-нибудь дома припрятали – все кругом перерыла, но не нашла. Значит, на работу с собой унесли – борцы, понимаешь, за нравственную чистоту и заправку постелей...

– Здравствуй, милая!

Я точно споткнулась, торопливо выпутываясь из своих недобрых мыслей. Ответила с некоторым запозданием:

– Здравсьте...

Это был наш сосед – жил этажом ниже – худющий, как щепка, с седой щетиной на щеках и прозрачными водянистыми глазами. Смотрел так, что с непривычки пробирало холодком. Во всяком случае, я сразу припомнила глаза новенькой. Ведь точно! Было у них нечто общее! В самой глубине глаз – какая-то стылая обреченность. И у соседа я что-то похожее разглядела – уже с месяц назад. И тогда же с ужасом осознала, что сосед наш готовится к смерти. Раньше он дворничал, пил с приятелями во дворе, скандалил, а теперь... Теперь он по-прежнему убирал мусор, но уже не пил и не буянил. Проводил во дворе все свободное время, и как думалось мне, спешил надыхаться миром. Другие-то в больницах лежали, в постелях маялись, а он выбирался под открытое небо и бродил по улицам. При этом часто здоровался, смотрел во все глаза на окружающее, деревья руками трогал – чуть ли не гладил.

Несколько раз я видела его возле оградки садика, где он с тоскливым восторгом следил за гуляющими детьми. Что творилось в эти минуты в его душе, я даже не пыталась себе представить, но встречать его с каждым днем становилось тяжелее и тяжелее. Движения соседа становились старчески медлительными, кожа темнела, а вот взгляд напротив приобретал особую цепкость – точно пронзал хирургическим инструментом насквозь. Но самое главное, что своим появлением он все во мне переворачивал – менял настроение, встряхивал, отвлекал на совершенно непривычные мысли. Иногда после встречи с ним становилось тоскливо и грустно, а иногда – наоборот. Вот и сейчас произошло непонятное. Только что я была зла на весь мир, а стоило ему поздороваться и назвать меня «милой», и все прошло. Он-то побрел себе дальше, а я осталась стоять ошарашенная. Точно разбили во мне прежнее темное зеркало и склеили из кусочков новое – серебристое да яркое.

Тело ожило, и ноги сами повели привычным маршрутом. Земной шар возобновил движение, липовые шеренги поплыли мимо, и что-то такое я даже начинала уже слышать. Да, да! – сосед словно уши мне прочистил – я снова слышала музыку ЗБ!

Меня тихо звали – и очень издали. Это походило на песню, исполняемую шепотом. А еще на шелест ветра, который следовало только поймать и далее плыть под зыбким парусом, не сопротивляясь и не отвлекаясь на постороннее. И я бы плыла, но оставалось еще одно дельце: мне срочно следовало повидаться с новенькой. Почему? Да потому что именно сейчас мне позарез требовался друг. А друзей, если кто интересуется, ждать нельзя. Если друзей нет,

на них открывают сезон охоты. Только не как на куропаток или каких-нибудь уток, а скорее как на древних мамонтов...

Я даже остановилась, пораженная случайным сравнением. Ведь получалось, что они действительно вымирают – настоящие друзья! Совсем как мамонты. И подумалось, что, может, умирают они по той же самой причине – поскольку превращаются в нелепый реликт доледниковой эпохи, поскольку не могут вписаться в наш сумеречный и неуютный климат?

Глава 2 Охота за другом

С тех пор, как мама начала выезжать в свои секретные командировки, папа стал нервным и раздражительным. Принимался, скажем, чинить наш велик и взрывался разоблачительной речью, поминая о том, что раньше велосипеды были ремонтпригодные, что хлеб пах хлебом, а кисели варились из настоящих фруктов и природного крахмала. То же самое говорилось о телефонах и фотоаппаратах, о мебельных шарнирах и журналах – словом, практически обо всем, что нас окружало. Даже, успокаиваясь, он все равно продолжал меня поучать, не понимая, что поучать пятнадцатилетних – дело бессмысленное во всех отношениях. Для себя я так однажды и вывела: есть учителя, а есть поучители. Учителя не учат – это у них учатся, а поучители только поучают и потому плющат детскую психику, вымораживают мозги. Но папа – это все-таки папа, и даже я своим вымороженным мозгом порой выхватывала из его монологов полезные советы. Именно он как-то в сердцах выдал: «За настоящими друзьями, если хочешь знать, нужно охотиться!» Нехило, да? Охотиться... Мне тогда смешным это показалось. Ну, как можно охотиться на друга – да еще настоящего? Тем более что друзей у меня тогда имелось в достатке – как говорится: по problem! Всегда под рукой и Стаська, и шевбутная Катюха. Да еще ватага одноклассниц, к которой лепились и Янка с Верочкой, и Кирилл с Танюхой, и Сонька с Игнатом. А потом... Потом появилась Альбинка, и словно молочные зубы одна за другой стали пропадать мои лучшие подруги. Костяк распался, а оставшиеся быстро и незаметно перетекли под крылышко Альбинки.

Даже не знаю, как это все случилось. Сначала ведь и она была в моей команде. Как пришла в наш класс, так сразу и встала под мое знамя. Правда, ненадолго. Очень уж простецкие царили в нашей компании нравы. И идеалы правили странноватые. Когда есть единомышленники, о таких мелочах не задумываешься, тем более что мне-то казалось все абсолютно нормальным. Сообща клеили воздушных змеев, запускали их с крыши, прыгали на скакалках, постигали секреты паркура, на великах, само собой, гоняли, стихами и фильмами обменивались. У Стаськи тогда – у первой планшетник с «вай-фаем» появился, так она музыки и книжек накачала – с нами потом делилась. А еще мы петь пробовали – думали, подрастем и станем рок-группой. Катюха у нас на фортепиано ходила, Стаська на скрипке играла – вот и получилось бы что-нибудь путевое – типа, «Колибри» или «Ночных снайперов». Тексты песен мы на принтере распечатывали, раздавали всем нашим. И ведь разучивали! Никто не спорил, не артачился! Это уже потом я дотумкала, что малость перегибала палку, заставляя всех плясать под единую дудку. Нет, правда, какая нормальная девчонка станет гонять своих подруг в походы, разучивать стихи, заниматься физкультурой по Норбекову и Ниши? Еще и восходы с закатами ходили смотреть – с утра пораньше просыпались и шлепали на набережную реки Быстрицы. Там, на перекатах, фоткали зависший над горизонтом малиновый пятак солнца, закалялись, окунаясь в холодную речку. Я их, бедных, и костры учила разжигать. Чтобы в лесах дремучих выживать умели. Между прочим, с нами и парни ходили – Игнат, Вадим, Ленечка. Как-то терпели наше лидерство. Я была атаманом, Стаська с Катюхой – помощницами, и никто особо не возражал. Но вот появилась Альбинка, и все стремительно пошло наперекосяк. Наверное, можно было как-то притормозить процесс, но без Стаськи с Катюхой я и сама сникла – выпустила вожжи из рук. Еще и привыкла, дурында такая, что все делается само собой, все уважают и слушаются. К хорошему-то быстро привыкаешь. Соответственно и глупеешь. И потому, когда посыпалось все карточным домиком, я даже не осознала всего случившегося.

А ведь начиналось-то все на моих глазах. Сперва Альбинка затеяла обсуждать с моими подругами телепередачи, которые я даже не смотрела. Потом они браслетики стали плести из колечек и бусинок, а вместо закатов-восходов тупо принялись фотографировать друг дружку – да все жеманно так – с томными взорами, в обнимку с березками да цветочками.

А после в инет выкладывать – с непременными комментариями, с ежедневными обновлениями. Я и внимания не обращала на всю эту белиберду – думала, чепуха, перебесятся. Так и проморгала момент, когда все мои приятельницы подсели на Альбинкины темы! И с самым серьезным видом обсуждали теперь различные телеглупости, обменивались духами и фенечками, спорили, какое тату и куда лучше наколоть, дрэды плели, обвешивались украшениями. Папочка-то у Альбинки косметикой торговал – вот и выучил доченьку. Когда же с непростительным запозданием я рискнула пресечь всю эту фиготень, то огребла по полной. Народ попросту уплыл к Альбинке, и я осталась одна. А это, скажу я вам, жуткая вещь – очутиться в полном вакууме – особенно после того, как еще совсем недавно вокруг хороводилось столько друзей. Именно тогда я впервые задумалась о дружбе и недружбе...

Мама, кстати, тоже со мной на эту тему откровенничала, и я с изумлением узнала, что настоящих друзей у нее тоже давно нет. Представляете! Тридцать восемь лет человеку – и ни одной настоящей подруги! Ух, как я тогда перепугалась! Сразу представила себя в этом возрасте – и все одна да одна. Даже если встречу парня, то это ведь все равно не то. И приятельницы – тоже не то. По словам мамы, подружек, чтобы поболтать и кофейку глотнуть, у нее хватало, а вот верные надежные друзья встречались только среди мужчин. Как-то так получилось, что закадычные подруги были и сплыли, и кого винить в этом, было совершенно не ясно. Но главное я поняла: всю жизнь быть спаянным с кем-то чем-то общим – до жути трудно. Потому, верно, и с друзьями у всех такие напряги. Потому и одиночество – тотальная болезнь человечества. Смешно, да? Представьте себе одинокого муравья где-нибудь у подножия гигантского муравейника. Вроде бы бред, а ведь это о нас с вами...

Все дороги ведут в Рим, и мои пути-дороженьки вели к ЗБ. Потому и шагала я, почти не задумываясь. Больше отвлекалась на постороннее. Спасибо соседу – поправил настроение. Я даже вывески магазинов с удовольствием перечитывала – совсем как в далеком детстве. Магазин сантехники с нелепым названием «Гидра», торговый центр с помпезной вывеской «Маркс-центр» – все воспринималось с веселым восторгом. Надо же придумать такое! Головы, наверное, ломали, конкурсы устраивали... А вскоре под ногами замелькали нарисованные белой краской следы босых ног. Через каждые пять-шесть шагов красовались надписи: «ПИТЬ!», «ХОЧУ ПИ-И-ИТЬ». Машинально читая завлекаловку, я уже начинала догадываться, к какому колодцу-оазису приведут следы. Они и впрямь свернули к обычной пивнухе. Вместо слов «ПИТЬ» тут сияло уже ликующее: «НАКОНЕЦ-ТО!». Я скупо улыбнулась. Тупо, конечно, но, по крайней мере, забавно...

Старый двухэтажный домик с покосившимся крылечком и уютной скамеечкой был на своем положенном месте. Приближаясь к нему, я чуточку занервничала. Жилец, что обитал здесь, мог и сменить пароль. Времени-то сколько прошло! Но попробовать все же стоило. Плюхнувшись на скамейку, я достала из сумки ноут и быстренько оживила экран. Конечно, это не мой смарт – пришлось терпеливо ждать, когда все загрузится и настроится. Я даже приотпывать начала в нетерпении.

Улочка была тихой, машины здесь почти не ездили, но уединиться все-таки не получилось. Грузный мужчина присел рядом, отпыхиваясь, стал копаться в сумке, извлекая какие-то бутерброды. Но я на него даже не взглянула – не до того. Роутер, что прятался в доме за спиной, уверенно доставал и до нашей скамеечки. Бедный хозяин не подозревал, что время от времени к нему подключаются левые пользователи. Впрочем, таких было немного – всего-то двое: Вадик и я. Именно на этой скамеечке он рискнул назначить мне свидание, неумело признался в своих чувствах и здесь же получил полный отлуп. А потом на этой же лавочке мы играли в какие-то оглушительные стрелялки, и не теряющий надежды Вадим слил мне пароль от местного роутера. При этом взял клятву, что больше никому и ни под каким соусом. «Место, сама понимаешь, секретное, а самое главное – нельзя подводить хозяина»... Помню, как я тогда удивилась странноватой Вадиковой порядочности. Взламывать – взламывай, но не наглай, при-

мерно так звучал его жизненный принцип. По словам Вадима, он даже в комп живущего тут юзера никогда не лазил – просто тупо играл в онлайновские игрушки и все. Дома ему играть не разрешали – нагибали по полной, а тут – воюй, сколько хочешь. Тишина, свобода и свежий воздух. «Все равно очень скоро вай-фай будет повсюду, – уверял Вадим. – А за наши игрушки с хозяина так и так ничего не возьмут. Если, конечно, не борзеть»...

Заветной лавочкой после этого я пользовалась еще несколько раз, но Вадима здесь больше не видела. Верный своему слову, он, видимо, не «борзел», а может, взломанный мимоходом пароль и свиданка со строптивой одноклассницей были в его жизни всего лишь случайным эпизодом.

Ноут мой, наконец-то ожил, инет высветился, но Лизы, нашей новенькой, там пока не обнаруживалось. Мы договорились, что пересечемся по почте, я и бумажку ей с адресом сунула, однако в ящике было пусто. Я порыскала в сети, пытаюсь отыскать Стаську, но вновь нашла только Катюху. Давняя моя подруга, захлебываясь от восторга, рассказывала, что только-только вернулась с последней регаты. Уже больше года она матросила в знаменитой «Каравелле» и только в этом сезоне раз двадцать ходила под парусами, прокатившись на яхтах вроде «Пеленга», «Меридиана» и «Гека Финна». А еще они успели стонять на какие-то острова тамошнего Визовского пруда, где угодили под шквал и мужественно боролись с волнами. Все перевернувшиеся яхты вернули на киль, ни одна не затонула. Детки, хоть и успели хлебнуть мерзлой Визовской водицы, тоже вопреки всем прогнозам не кашляли и не чихали. А еще наша Катюха наострилась вязать настоящие морские узлы, выбивать дробь на барабане, а те же яхты изучила от клотика и до килия. В общем, много чего расписала моя подруженька, но главным было то, что она там явно не скучала и глупостями вроде моих не маялась. Там у них, в этой «Каравелле» все было гениально и просто. Общее интересное дело, ответственность, взаимовыручка – все прекрасно сочеталось в одном флаконе. Школьная педагогика отдыхала и плакала, в «Каравелле» дети обретали то, чего не давала ни одна школа – поддержку не одного-двух приятелей, а целого коллектива – отряда, зараженного вирусом дружбы. Насколько я поняла, у них и подвиги совершались чуть ли не ежедневно – все равно как у киношного барона Мюнхгаузена. Свалился кто-то в воду, все бросаются спасать, тоскует в углу новенький – подходят и утешают, если кто чего-то не понимает, сто раз терпеливо объяснят. И все это без понуканий, без домашних заданий и вызова родителей. Даже на совете капитанов, по словам Катюхи, чехвостили провинившихся в глаза и открыто – без стукачества и камер. В экипажах старшие опекали младших, про драки никто и не слыхивал. Короче, полная фантастика. Судя по тому, что Катюха рассказывала, друзей у нее в этой «Каравелле» набиралось теперь два вагона с тремя тележками, а по тону письма угадывалось, что я и наша школа, подобно медлительной и перегруженной барже отплывали все дальше и дальше – в то самое «далеко», которое годам к сорока окончательно забывается. Ничего не поделаешь – таков был дрейф, вызванный разнополярными течениями. Я плыла в одну сторону, мои подруженьки в другую. Вполне возможно, что и Стаська по тем же суровым причинам не желала откликаться. Оно и понятно, где я и где жаркая, наполненная криками Какаду Австралия!

Настроение у меня снова испортилось. Нет, я была рада за девчонок – по-настоящему рада, но я-то была здесь, а они там. Пальцы устали нажимать клавиши и даже малость озябли. Я сунула их под мышки, угрюмо велела ноутбуку:

– О кэй, Гугл! Что умеют австралийские Какаду?

Женским голосом компьютер повторил команду и выдал мне картинку попугая с текстом, расписывающим способности огромных попугаев. Мужчина, что скромно жевал бутерброды, заинтересованно вытянул шею. Даже чавкать перестал.

– О кэй, Гугл, – снова скомандовала я. – Как добраться до Екатеринбурга?

Компьютер послушно выдал карту маршрута, уведолив, что путь на машине у меня займет четыре с половиной часа.

– Ну-ка, ну-ка, – сосед мой немного придвинулся. – Я, конечно, извиняюсь, но это, получается, на любой вопрос можно ответ получить?

Я хмуро покосилась на него. Обычный мужик в мешковатом плаще, с бородой, краснолицый – почти наверняка бомж. Хотя каких-то жутковатых амбре я вроде не ощущала, может, и не бомж.

– А что вас интересует?

– Ну... Интересует-то многое, – любитель бутербродов засмутился. – А твоя машинка, действительно, может дать на все ответы?

– Вы же слышали.

– Хмм... Может, она это... Только на самое простое отвечает, а если сложное спросить, то и не сможет?

– Что, например?

– Ну, вот, скажем, как лечить бородавки народными средствами?

– О кей, Гугл, – велела я, – как лечить бородавки народными средствами?

К моему удивлению, ноутбук промолчал. Картинка на экране тоже не спешила появляться.

– Вот-вот! – мужчина довольно заушал, что, по всей видимости, означало у него смех. – Не все, выходит, знает твоя механика!

– Это не механика, а электроника.

– Все равно! Средства от бородавок она не знает...

И тут же ноутбук выбросил кипу текстов, а женский голосок с некоторым заиканием произнес:

– Народные средства от бородавок...

Мужчина пораженно умолк, с уважением покачал головой.

– Дела-а... И что она там пишет?

– Много, чего пишет, – мне совсем не улыбалось перечитывать ему всю выданную информацию. Но тут же пришла неудобная мысль: а вдруг это ему до жути необходимо? Может, из-за этих бородавок у него вся жизнь набекрень пошла? Жена из дома выгнала, друзья в бане на смех поднимают, начальник с работы уволил...

Я даже пригляделась к бородатой физиономии, силясь отыскать искомую бородавку. Но на лице незнакомца ничего такого не обнаруживалось.

– Тут информации целый воз, – пробормотала я. – Можно час с лишним читать.

– А ты коротенько, дочка. Самое главное.

– Ну, тогда вот... Сок чистотела – натирать ежедневно, сок одуванчиков – то же самое, пихтовое масло, чеснок прикладывать, свежий лук, нарезанную ломтиками свежую свеклу или редьку, кашка из хрена, отвар луковой шелухи – типа, компресса, сухой лед... Хватит или еще читать? Тут много разного. Вот, рекомендуют выжигание лазером. Цены от трехсот рублей и выше. Если вам, действительно, нужно, я прочту.

И снова мой бородатый сосед засмутился.

– Хватит, доченька, спасибо. Суть я понял. Про чистотел мне и раньше рассказывали.

– Так попробуйте! – я пожалала плечами. – Он вроде везде растет.

– Надо, дочка, надо попробовать... – неожиданный мой знакомый стер с бороды крошки и, забросив на плечо сумку, грузно поднялся. – Прямо сейчас и пойду, пожалуй.

– Удачи вам! – я испугалась, что он протянет мне для пожатия руку и подарит какие-нибудь бородавки. Дядька он был, конечно, ничего себе, но уж больно неухоженный. Как знать, может, такому и впрямь срочно требовался чистотел.

– Бывай, дочка! – развернувшись, он зашагал в сторону трамвайной линии. Я поглядела ему вслед и вдруг подумала, что, может быть, именно в эти минуты упускаю друга. Ведь ровным счетом ничего о нем не знаю, но посидели немного, поговорили – даже тему общую нашли –

про бородавки, а человек уплывал, как успели уплыть мои давние подруги, и, значит, перелистывалась очередная страничка в моем без того скромном жизненном блокнотике.

Глаза мои снова опустились к экрану. Там моргал глазками мой маленький, напоминающий улитку гид-поводырь. Еще и показывал, куда надо нажать, чтобы получить срочное послание. Этого электронного гида мне как-то папа настроил – сделал маленький подарок на 8 Марта. Программка с гидом подсказывала важные даты, напоминала про уроки и планы. Сейчас же она сигнализировала о свеженькой эсэмэске. По телефону я получила бы СМС сразу, но телефон у меня забрали, и услужливый ноут протягивал руку помощи.

Короткое письмецо было от Лизы, моей еще несостоявшейся новой подруги. Делая ошибки (видимо, в спешке), новенькая писала:

«Они гнали меня до самого дома, теперь пошли за тобой. Будь осторожна!»

Меня даже в жар бросило! Выходит, кто-то преследовал ее, а потом, войдя в раж, посулил и мне навтыкать по первое число. Вот это веселуха!

Я зловеще улыбнулась, сердце мое застучало быстрее. Кто преследовал Лизу и кто вознамерился разобраться со мной, угадать было несложно. Конечно, Альбинка с Маркушиной. Ну, и все их пристяжные, конечно.

Что ж, жизнь, кажется, налаживалась. Только что я собиралась охотиться на друга – вот и накаркала. Теперь охотились уже за мною – и вовсе не для того, чтобы завязать дружеские отношения. Так что мир – миром, а война – войной. По крайней мере, это было лучше, чем протирать штаны на скамейке, тосковать и грустить. Закрыв крышку ноутбука, я решительно поднялась.

Глава 3 Галоп обреченных

Конечно, стоило еще просмотреть информацию про ЗБ – о том, кто туда сегодня собирается, не планируются ли полицейские рейды, давно ли польхали последние пожары – в каком крыле и на каких этажах. Но ждать я больше не могла. За мной охотились, и оболящаться тут не приходилось: все мои пути-тропки наши девчонки знали прекрасно – сама же их когда-то и водила, да и Вадим мог сболтнуть. Парень он был, конечно, неплохой, но и Альбинка чарами своими управляла умело – так что вполне могла уже знать про заветную скамеечку. Но главное – я опять услышала мелодию – ту самую, манящую и негромкую, напоминающую тихий шепот. Да и неважно было, сколько народу вышло на охоту и кто именно вострит лыжи в ЗБ. Дней, когда в здании бывшей больницы было пусто, я не могла припомнить при всем своем желании. Разве что во время особенно яростных пожаров или когда городские власти проводили рейды и прочесывали пустующее здание вдоль и поперек. Впрочем, и в такие дни там обычно кто-нибудь прятался – потайных комнат и каморок, шахт, чердаков и подвалов там насчитывалось великое множество. Недаром ребягня сбивалась в целые экспедиции, пытаясь обнаружить палату с волшебной «Короной» или стену с «Крыльями желаний». Я уже не говорю про хронокомнату, которую разные сорвиголовы искали чуть ли не месяцами, методично обходя коридор за коридором и комнату за комнатой. Даже планы вычерчивали, на которых от руки и на плоттерах помечали все главные достопримечательности ЗБ. Кое-кто и торговал подобными картами, благо загадочных мест в здании хватало с избытком: стены с искусными граффити вроде тех же «Крыльев желаний» или «Кулака», уцелевшие часы в хронокомнате, что, по слухам, никогда не останавливались и творили с реальным временем подлинные чудеса, крюк от люстры, на котором повесился главврач, положивший жизнь на развитие больницы и в одночасье уволенный вельможей из столицы, коридор с привидениями, по ночам зажигающими и гасящими уцелевшие плафоны, входы в подвалы с непременными ответвлениями в морг, в мастерские и бомбоубежище. Последнее, кстати, располагалось на самом нижнем ярусе. На схемах так и помечали: минус первый этаж – обычные подвалы, минус второй – бомбоубежище. На некоторых особо продвинутых картах прорисовывали и минус третий уровень – с подземной речкой Монастыркой, протекавшей мимо Ново-Тихвинского женского монастыря и ныряющей глубоко под фундамент заброшенной больницы. Миновав ЗБ, речка убегала к главной городской артерии, впадая в Исеть где-то рядом с улицей Большакова. Про бетонный коллектор, сковавший подземную речушку, понятно, также рассказывали самую невообразимую жуть – про безглазых рыб, лягушек и трехметровых змей, уже более полувека живущих без света, про целые кладбища скелетов тех несчастных, что в течение десятилетий утягивало подводное течение в неведомые глубины. Понятно, что близость подземной речушки давала себя знать. Что-то там постоянно затапливалось – порой до самого потолка, но в иных коридорах малолетние исследователи легко проходили в обычных сапогах или ОЗК. Про речку Монастырку я знала, но вот в скелеты и безглазых земноводных совершенно не верила. Как не верила и в лестницу Мёба, по которой иные путешественники умудрялись бродить часами. Ни спуститься вниз, ни подняться вверх по такой лестнице было, по их рассказам, невозможно. Поднимаясь и спускаясь, всякий раз человек оказывался на одной и той же лестничной площадке. Я сама не по одному разу обошла все лестницы ЗБ – даже те, что держались на одной ржавой арматуре, однако никаких лестниц Мёба не встретила. Как не увидела и клеток, в которых якобы держали буйных сумасшедших, привезенных на лечение из Чернобыля. Это уже поработали сочинители мифов – красавы, которым лучше было бы писать фантастические романы или рекламу какого-нибудь фаст-фуда. Зато и посещаемость у ЗБ была круче, чем у всех музеев нашего города вместе взятых. Шли либо от скуки, либо целенаправленно, многие заранее сговаривались через тот же инет, благо страничек с ЗБ

насчитывалось уже немало. Но я сегодня спутников не искала. Мне просто требовалось место, где можно было бы укрыться. Не то чтобы наши охотницы меня очень пугали, но ЗБ было давней проверенной территорией, и там, я точно знала, меня никто не достанет. Само собой, знали об этом и Альбинка с Маркушиной, потому и удирать туда следовало по возможности быстрее.

Через площадь и сквер с мемориалом я не пошла – очень уж открытое пространство, двинулась двориками. И все равно угодила в сеть, расставленную дозорными Альбинки.

Я-то полагала, что увижу их раньше, но меня засекла Пигалица. Пигалицей звали Натку Кашину, юркую и востроглазую любимицу Альбинки. Вот эта самая Пигалица и срисовала меня с крыши «Океана», главной высотки нашего района. На предпоследнем этаже там располагалось что-то вроде ресторанчика, а на самой крыше тусовались любители загара, курильщики-экстремалы и просто скучающие бездельники. Вот туда-то хитрая Альбинка и послала своего наблюдателя, поскольку зоркие глаза Пигалицы могли с высоты держать под наблюдением большую часть моих излюбленных улиц. Счастье, что умом и сообразительностью, как птица Говорун, Пигалица не отличалась. Едва завидев меня крадущейся по детскому дворику, она так ликующе завизжала, что даже внизу я ее легко услышала. Ясно было, что в следующую секунду по сотовому телефону будет обо всем доложено «начальству», и я метнулась под кроны сирени. Поздно, конечно, но шансы еще были. Я окольцевала фонтан с каменным безликим изваянием, проскочила мимо кинотеатра и устремилась к тесно застроенным кварталам.

Увы, трюк не удался. Я снова забыла про заборы, которых с каждым годом в нашем городке становилось больше и больше. Огораживали новенькие детсады и гаражные участки, дворы и новостройки, даже дороги – и те огораживали, пытаясь приучить людей ходить строго по светофорам.

Сперва я наткнулась на Галку. Одноклассница сделала шаг в моем направлении, но я взглянула на нее столь многообещающе, что она тут же развернулась и помчалась от меня на всех парах.

Побегать, что ли, за ней? Догнать да учинить допрос с пристрастием? Я и впрямь затрусила следом, но Галка тут же и заверещала:

– Здесь она! Тут!..

Из этого явствовало, что вся гоп-компания пребывала где-то поблизости. Может, и Пигалица продолжала откуда-то сверху контролировать охоту, давая ценные указания. Справа из-за угла двухэтажки выскочило сразу трое девчонок, да и Галка, увидев поддержку, тут же притормозила.

– Куда это ты, Лер? Не хочешь поболтать с нами?

На это я только фыркнула.

– Ле-е-ерочка! Лерочка-девочка, мы за тобой!

Это уже Маркушина придуривалась, ее голосок. И ведь даже пританцовывает от ярости и ликования. Я вдруг подумала, что такая в своей мести ни перед чем не остановится. Тут и пубертатный возраст – не оправдание. Я ведь не тихая девочка – тоже во многих потасовках успела поучаствовать, но всегда после первой же сдачи позиций противником меняля гнев на милость. И руку занесенную останавливала и упавшего поднимала. Несмотря на тот же скользкий возраст, несмотря на боевое имечко. Кстати, я и на родителей за него обижалась – имя-то выбрали мужское! Если верить разным брошюркам, очень даже воинственное – чуть ли не родственное валькирии. И все равно – добивать противника я никогда бы не стала. В отличии от той же Маркушиной. А вот кодла Альбинки на это легко бы пошла...

Меня прямо передернуло от картинки, что нарисовала услужливая фантазия. Бедная Валерия сбита с ног и прикрывает голову ладонями, а слетевшееся со всех сторон воронье, отпихивая друг дружку, гвоздит и гвоздит ее кулаками, палками, ногами. Тот самый феномен коллективной и потому неуправляемой ярости. Уж я-то подобные картинки видела воочию. Чаще, конечно, парни мутузили кого-то, но и девчонки, чего греха таить, способны были

на многое. Может, оранжерейные создания из спецшкол в такое и не поверят, но ведь было, есть и будет! Честно говоря, я и сама была не уверена, надо ли про такое знать нормальным людям. Но если не будем заглядывать иногда за кулисы, рискуем вовсе ослепнуть...

– Ви-ижу! Она к садам бежит!

А я и впрямь бежала. Хорошо, хоть джинсы походные надела, они у меня специально под ЗБ подобраны – чтобы и на колени падать, и кожу не обдирать. Когда девчонка мчится в развевающейся юбке – это зрелище и впрямь не самое симпатичное. А уж со шпильками или даже самыми маленькими каблуками – и вовсе погибель. Но на мне были джинсы с кроссовками – мягкими и упругими, вполне подходящими для дальних забегов.

– Тут она – у заборов!

Скоростенку я набрала неплохую, но и загонщиков было прилично. Кстати, и бегуны среди них имелись – та же Галка бегала куда быстрее меня, да и Альбинка с Луизой на школьных кроссах получали вполне приличные отметки. Я даже тактику их стала угадывать. Будут поджимать справа и слева, заставят метаться и терять силы, а после в каком-нибудь подходящем месте притиснут к стеночке и устроят ледовое побоище.

Хоп!.. Я чуть не оступилась. Из-под ног с перепуганным мявом брызнул полосатый кот. Хорошо, не наступила на бедного...

– Девки! Она это... Хромает уже...

А я и впрямь чуточку начинала прихрамывать. Это у меня коленка от давнего падения разболелась. Упала в ЗБ, когда подо мной балка хрустнула. Крепко тогда приложилась – ребрами и коленом – едва не провалилась! Знала ведь, что после пожара на четвертом этаже лучше не шастать, но это другие стали бы осторожничать, а девочка по имени Валерия, само собой, поперлась в горелую зону. Очень уж жаль было тот славный коридорчик. Там и впрямь во многих местах проводка сохранилась, и со светом чудеса происходили – лампочки сами собой включались и выключались. Ты мимо проходишь, и за тобой вдруг – щелк! – свет загорается. Точно датчики движения кто установил. Только в те времена, когда строили больницу, никаких датчиков движения еще не придумали...

Загонщицы мои решили, что я выдыхаюсь, и прибавили ходу. Сзади трое хищниц и параллельно по тротуару две бегуны – как раз самые шустрые: Галка да Яна. А вот Альбинку я пока не видела. И Ренату с Сонькой, ее верных секретарш, тоже. Видать, двигались где-то на отдалении, а может, заходили в лоб, готовя сюрприз.

Дыхание становилось все более тяжелым. Еще и сумка с ноутом беспрестанно колотила по спине. Мало того, что коленка болела, так теперь и спина начинала гудеть. Правда, страха по-прежнему не было. Вот не боялась я их, и все тут. Да и что они могли мне сделать? То есть, сделать-то как раз могли, но только не с Валеркой, побывавшей в прошлом году в детском оздоровительном лагере «Сойка». Я и до лагеря не была домашней девочкой, а там меня и вовсе научили взрослой жизни...

Впереди приоткрылся проход между домами, но дальше маячил пустырь, на котором меня запросто могли взять в колечко, и потому я свернула к гаражам. Даже не знаю, зачем я это сделала – давно уже там не бывала, но смутно помнила, что можно там как-то спрятаться и поюлить между жестяными коробками. Правда, не могла припомнить, ведет ли туда выбранный переулочек, но менять что-либо было уже некогда. Галка попыталась отсечь мне дорогу, но я рванула в ее сторону с такой решимостью, что она тут же отскочила.

– Ути-пути, какие мы грозные! – пропищала она. – Парок-то выходит, а?

«Парок», на самом деле, выходил. Я реально уставала. Где-то на задворках сознания мелькали и исчезали тени надвигающегося отчаяния, но я гнала их прочь. Фиг, вы меня возьмете! Если я устала, то и вы, небось, не железные...

– Лера!

Шумно дыша, я споткнулась. В закутке меж двух гаражей стояла Лиза, наша новенькая. Я даже глазам своим не поверила. В легком платьице, смотрящая на меня все теми же отчаянными бездонными глазищами.

– Давай сюда, здесь узко, им нас не взять...

Спрашивать, откуда она появилась, почему ввязалась в эту охоту, не было сил, но и замысел Лизы я сходу отвергла. С одной стороны разумно: встали спина к спине – и не очень-то подступишься. С другой стороны – никто не мешает нашим противницам влезть на крыши гаражей и забросать нас чем угодно. Конечно, Лиза оказалась молодчагой. Никак не ожидала я, что она так вот сходу бросится мне на помощь, но болтать и обниматься было некогда.

– Нет... – я помотала головой. – Это ненадолго, не устоим. Давай лучше туда...

– Там вроде тупик.

Я снова замотала головой. Дыхание с хрипом рвалось из груди, объяснять что-либо я уже не могла, но Лиза, не зная нашего города, попросту приняла мои слова на веру. Пальцы ее были сжаты в два кулачка, но лицо вовсе не отражало боевой решимости. Пожалуй, на нем читалась все та же пугающая обреченность – та самая, что поразила меня при первом ее появлении в классе.

– Ай! – выбираясь из закутка, Лиза обожглась крапивой. Что там ни говори, а платье – одеяние не самое боевое. Ничего не имею против юбок, иногда они даже удобнее брюк, но когда комары, серьезная заваруха или крапива, джинсы, разумеется, круче.

Между прочим, крапива могла и пригодиться, а потому, недолго думая, я сорвала пучок. Ладонь опалило огнем, но на такие мелочи я умела не обращать внимание. Времени-то потеряли вагон, и трое из самых шустрых загонщиц были уже рядом.

– Бегом! – я кивнула Лизе, и воздух вновь засипел в моих легких. Наперерез зловещей торпедой устремилась Галка. В шортиках, легкая и резвая, она явно возмечтала подставить Лизе ножку. А что? Очень удачный ход – сразу двоих одним выстрелом! Падает Лиза, за ней спотыкаюсь я, и далее слетается стая на пиршество.

Только ничего у этой шуки-торпеды не вышло – сделав над собой усилие, я ускорила и крапивой наотмашь стегнула по крепким загорелым икрам одноклассницы. Взвизгнула она куда громче новенькой – и было с чего, хлестанула-то я от души. Прыткая Галка чуть не растянулась на земле. Я бы еще разок ее достала, но одноклассница проворно отпрыгнула. Мы возобновили бег.

Тупичок мне нравился все меньше – слева забор из бетона, справа жестяная стена гаражного кооператива. Дорожка постепенно сужалась, превращаясь в тропку, но ведь кто-то ее протоптал, и куда-то она вела!

Мы промчались еще метров сто. Позади густо и рассыпчато топали наши преследовательницы. Кто-то из них ухмылялся и ликовал, кто-то вслух выдавал комментарии, расписывая, что с нами сделают, когда поймают. Впереди неожиданно вырос забор, и сразу стало ясно, что сходу на него не взобраться. Может, конечно, лежала рядом удобная стремянка, но в такие чудеса я не верила. Да и не спасла бы она нас. Пока приставишь ее к забору, пока влезешь – пять раз сшибут и затопчут. И чего меня сюда понесло? Лучше бы я новенькую послушала. Там, между гаражей, у нас по любому шансов было больше.

Тем не менее, тот, кто протоптал эту тропку, знал, что делал. Никакой стремянки нам не понадобилось. Бетонная плита и впрямь преграждала путь, смыкаясь с махинами гаражей, но в самом углу зияла трещина вполне пригодная для того, чтобы через нее пролез не самый упитанный человек. Любители гамбургеров и пива застряли бы точно, но нам подобная беда не грозила.

– Ныряй!

Лиза исполнила команду, хотя и не столь стремительно – щель была все-таки узковата – еще и топорщились по краям арматурные крючья. Я обернулась к загонщицам. Галка, Янка и Надежда уже тут, еще кто-то на отдалении – физиономии у всех красные, глазки злые.

– Это видели? – я показала им пучок крапивы.

– Мы тоже можем нарвать...

– Ага, рискните!

Чуть наклонившись, я прижала к боку сумку с ноутбуком и повторила Лизин маневр. Тело скользнуло впритирку к бетонной поверхности, но в целом получилось неплохо. Только своей же крапивой немного обожглась. Ну, да мне уже терять было нечего. Еще и подумала, что здесь-то этих злых щучек можно и впрямь сдерживать хоть до скончания веков. Кто ни сунется, тут же получит стрекательными клетками...

Увы, я не могла предвидеть всего. Из-за спины замершей Лизы я не сразу разглядела, что нас ждет впереди, зато услышала знакомый голос:

– Какие мы ловкие да смелые! Прямо зависть берет. Наверное, и в котлован сами попрыгаете?

Загнанно дыша, я встала рядом с Лизой. Ржавой пастью под ногами распахнулся свежесоткрытый котлован. Не такой уж большой, да только на той стороне стояла улыбающаяся троица: Альбинка собственной персоной и ее верные пристяжные – Рената с Сонькой. У Ренаты ручонки сжаты в кулаки, у грузной и слоноподобной Сони – теннисная ракетка. Не бита, конечно, и не дубинка, но тоже боевое подспорье – особенно в таких ручищах, как Сонькины. Между прочим, она первая обогнала меня в росте. Бегать эта гигантша, конечно, не умела, но вот стиснуть могла так, что не всякий парень вырвется. А хуже всего, что и атаковать их, не преодолев котлована, мы не могли, и на мгновение мне захотелось заплакать. Силы почти иссякли, и ясно было, что серьезного сопротивления такой ватаге мы не окажем. Только разозлим да раззадорим.

– Девочки, может, мирно поговорим? – спросила Лиза, и троица на том берегу обидно расхохоталась.

– Не надо с ним разговаривать, – выдохнула я. – Лучше уж с теми крысками разберемся...

– Вау! – издевательски воскликнула Альбинка. – С нами, выходит, слабо остаться? Эй, новенькая, ты, кстати, можешь не убегать, не тронем. Ты у нас без того обиженная. А вот с этой пегой лошадкой у нас давние счеты.

Лиза молча сделала шаг ко мне, точно этим шагом подтверждала, что она со мной до конца, и слова Альбинки ее не касаются.

– Как трогательно! Значит, таракашки вновь объединились! – Альбинка даже в ладоши захлопала. Она действительно могла ликовать. Уже и не принцесса, а форменная королева класса, сумевшая организовать настоящую охоту на двух занозистых одноклассниц. Точнее – даже одну, поскольку Лизу они всерьез, похоже, не воспринимали. Может, даже изначально использовали ее как повод. Ну да! – у меня словно пелена с глаз упала – ведь точно! То-то Маркушина так нахально вылезла. Наверняка Альбинка ее и подбила. Комбинация-то проще не придумаешь. В моем присутствии подразнить новенькую и спровоцировать на явный бунт, а далее... Далее бунт подавлялся с привлечением всех огневых средств, коих в наличии у Альбинки имелось в избытке. Само собой, можно было и без повода устроить мне темную, но королева на то и королева, чтобы вершить расправу по своим королевским законам.

Зажмурившись, я что-то такое проговорила – то ли заклятье, то ли молитву. И первая полезла обратно в щель, Лиза послушно нырнула за мной следом. Она понимала, что будет бой, а девчоночья драка, если кто не знает, штука самая жесткая и поганая на свете. Но она все-таки пошла за мной...

Слипшиеся волосы сползли на лоб, закрыли глаза. Я отбросила их взмахом руки, но почему-то по-прежнему было темно, и на секунду я даже испугалась – не обморок ли это? Знаете, когда теряешь сознание, тоже наступает темнота. Бряк – и ты на земле. Может, кто из загонщиц огрел меня камнем по темечку? Но боли тоже не было, и я продолжала оторопело моргать.

– Где мы? – охнула за спиной Лиза. – Что это?

Глаза наконец-то свыклись с полумглой, и я разглядела над нашими головами черный обгоревший потолок. Одна из обугленных балок, словно кривой шлагбаум перегоражи-

вала путь. Мы были в огромном коридоре, конец которого терялся вдалеке. Гаражи пропали, а с ними исчезла и Альбинкина кодла.

– Добро пожаловать, подруга! – сипло выдохнула я. – Это ЗБ...

Глава 4 Знакомьтесь, это Чудо!

В подвалы я спускаться не стала. Не повела Лизу и к знаменитым «Крыльям желаний» – похоже, именно они подхватили нас у того бетонного забора и перенесли сюда. Такое вот вертелось у меня в голове объясненьице. Как это осуществилось, лучше было не гадать – просто принять как факт. Хотя первоначально я частенько ломала голову, пытаюсь понять, кто и зачем покрыл стены ЗБ таким количеством разномастных рисунков, надписей и граффити. Вряд ли это было желанием увековечить себя. Под рисунками не стояло подписей, да и на форумах никто не спешил похвастать авторством. Иной раз приходила и такая сумасшедшая мысль, что надписи появились сами – все равно как изображения на фотобумаге, опущенной в химреактив. В какой-нибудь из особо безумных дней, когда планете вздумалось одарить своих неугодных обитателей еще одним маленьким шансом. Шансиком – я бы сказала. Нас-то с Лизой эти «крылышки» реально спасли! И не так уж важно было знать, как именно это случилось.

По черному от копоти коридору мы дошли до главной лестницы, а после поднялись до верхнего этажа, где арочным сводом зиял выход на крышу. Нам следовало элементарно перевести дух, а более комфортного места, чем крыша ЗБ, я не знала...

То, что когда-то именовалось крышей больницы, давным-давно сторело и обрушилось, чердачные же полы со временем покрылись пылью и неведомо откуда взявшимся дерном, на котором буйно проросла трава, юные березки, черемуха, кленовые деревца и даже елочки. Круто, да? Шестой этаж, открытое небо – и вдруг маленькое подобие сада. Или леса, это уж как хотите. Справа и слева каменные полустены с арочными проемами, над головой – солнце и синева. И никаких там мух или комаров, только легкий ветерок.

– Это лес? – потрясенно произнесла Лиза.

– Ага, что-то вроде. Висячие сады Семирамиды, – я опустила на каменный выступ, устало вытянула ноги. Помассировала ноющее колено и недоуменно взглянула на пучок крапивы, по-прежнему сжимаемый в руке. Отбросив колючие стебли, потеряла саднящую ладонь о ту же многострадальную коленку. Сумку с ноутбуком, наконец-то сняла с плеча, поставила рядом.

– Но как?! Как такое может быть?

Вопрос Лизы можно было истолковать двояко. Возможно, она спрашивала о выросшем на крыше здания лесочке, а может, ее интересовало то, каким образом мы сюда угодили. Выбор был за мной, и я предпочла вопрос более легкий.

– Чердаки раньше часто засыпали землей. Ну, и пыли здесь скопилось за десятки лет предостаточно – листва там, помет птичий, еще и пепла навалило от сгоревшего настила. А потом ветер занес семян, птички свою лепту добавили – вот и разросся лесок. Тут и земляника стала появляться – правда, правда! В прошлом году я сорвала ягод пять или шесть. Вкуснотища!

– Я не про ягоды, – тихо сказала Лиза. – Я про другое.

– Про другое, подруженька, примерно то же самое, – улыбнулась я. – Один ветер семена перенес, другой нас подхватил.

– Я серьезно!

– Если серьезно, значит, ты материалистка.

– А ты нет?

– Была когда-то, – запрокинув голову, я подставила лицо солнцу. В ресницах немедленно зашебурились золотые червячки, ветер ласково огладил щеки. Удовольствие – неопишное! Так бы часами и сидела...

Не раскрывая глаз, я неторопливо поведала Лизе историю про шестерых пропавших школьников – про то, как видели их, спустя несколько лет, и искали, про то, как постепенно разрастался нездоровый бум вокруг здания.

– Понимаешь, это уже и не руины теперь, это ЗБ. Место, где весь материализм сыплется прахом. И без причины здесь ничего не происходит.

– Но как же ученые? Кто-нибудь из них проводил здесь опыты?

– А зачем? Все опыты сегодня ставят по сугубо прикладным задачам: первая задача – изобрести побольше лекарств от всех людских болезней, вторая – изобрести чудо-оружие, чтобы истребить всех вылеченных и не вылеченных, и третья – это индустрия развлечений – жвачка, жвачка, гаджеты, новые драндулеты и спорт.

– Жестко ты!

– Это не я, это мой папуля сформулировал. Но, в общем, я, наверное, с ним согласна. Так что наше ЗБ – это чудо в белых перьях. Только чудеса свои оно редко демонстрирует. Иногда месяцами здесь ничего не происходит. Народ ходит, зевает, многие разочаровываются. А потом – раз! – и кто-то своего двойника в коридоре встречает или голос мертвеца из шахты слышит, и снова расползаются слухи. А еще круче, если «Корону» кто примерит и совет какой-то получит. Есть у нас тут такая картинка на стене. Ну, или на «Крыльях», как мы, переместится.

– «Крыльях»?

– Ага, они на стене нарисованы – лет уж семь, наверное, как появились. Надо всего лишь встать рядом и прижаться к ним лопатками.

– И что?

– Если ЗБ решит, что ты того стоишь, тебя переместят.

– Куда переместят?

– Да куда пожелаешь.

Лиза покачала головой.

– Мистика какая-то.

– Вся наша жизнь – мистика.

– А может, мы просто не в состоянии многое объяснить?

– По мне так и хорошо, что не в состоянии.

– Это почему?

– Да потому что мир окончательно стал бы плоским и до последнего пятнышка изученным. А так не должно быть, понимаешь? Кто-то из древних сказал, что самое страшное начинается тогда, когда тебе кажется, что все понятно.

Лиза кивнула.

– Потому что тормозится развитие?

– Ну... Вроде того. Или даже хуже. Потому что человек, которому кажется, что он все знает, стопудово ошибается. Сомнение – удел мудрых.

– Как-то ты говоришь это... Больно уж уверенно.

Я хмыкнула.

– Это верно, подружка! Значит, не хватает пока мудрости. Дура, как и большинство вокруг.

Мы рассмеялись.

– Ты-то зачем за нами поскакала? – вспомнила я. – Меня, что ли, спасти?

Лиза немного подумала, осторожно кивнула.

– Ну, да. Разве это плохо?

– Не плохо, конечно, но глупо. Я-то ладно – давно в этих болотах квакаю, а ты-то реально рисковала.

– Но я же теперь не одна, я с тобой.

– И что? Вот отметелили бы обеих, и явилась бы домой вся в синяках да шрамах. А того хуже – в больницу увезли бы.

– В больницу я и там у себя сто раз могла попасть. И в больницу, и на кладбище, – Лиза снова огладила меня своим удивительным взглядом. Я даже смутилась. Собственные мудреные словеса показались вдруг вычурными и абсолютно ребяческими. Сразу вспомнилось, откуда она приехала, и снова всплыло то самое словечко «беженка», из-за которого разгорелся весь сыр-бор.

– Странное тут место, – снова заговорила Лиза. – Очень похоже на наши подвалы. Мы в них от бомбежек прятались. Земля вздрагивала, а мы жались друг к дружке и ждали.

– Чего ждали?

– Снаряда – большого, тяжелого, безжалостного. Сидишь и представляешь себе, как он пробивает стены, потолок, пробуривает целый тоннель, а по пути крошит бетон, рвет арматуру. А потом... Потом он зависает над нашими головами – точно робот-убийца, сканирует все вокруг и снимает наши испуганные лица.

– Снимает?

– Ну, да! Мы ведь все за мгновение до смерти становимся самими собой. Вот этот робот-снаряд и впитывает в себя наши страхи, наши мечты, наши желания – и только потом взрывается. Я это всегда как вспышку себе представляла. Удар света по глазам, и все. Я даже думала, что так оно проще и лучше. На улице-то от осколков многие калеками становились, кровью истекали, а тут сразу и без мучений.

– Что-то не то ты говоришь, подружка, – хрипло отозвалась я.

Лиза качнула головой, точно соглашалась.

– Не то, конечно. Но мы там ко всему привыкли. Это поначалу тряслись да переживали, а потом уже и спали, и ели, даже сказки малышам рассказывали.

– Разве к такому можно привыкнуть?

– Человек ко всему привыкает. Жить-то надо. Даже самые маленькие переставали бояться и вздрагивать. Засыпали при любом обстреле... – Лиза вздохнула. – Вот наружу вылезать было страшно. Потому что всякий раз выбираешься и не знаешь, что вокруг будет. Но нам везло – обычно только руины и пепелище видели. Совсем как тут. И никого кругом – ни единой живой души.

Мне стало не по себе. Она точно мысли мои читала. В нашем-то ЗБ тоже не водилось ни кошек, ни собак, ни даже птиц. Я это давно заметила. Вроде заходи да живи, никто ведь не гонит, а их нетути – зверюшек, значит. Чуют, видно, что нечеловеческим духом пахнет. Мы не чуем, а они чувуют. Может, даже видят что или слышат. А если забредает кто, так тут же с ума сходит – как тот бешеный пес, что прыгнул на меня в коридоре...

– Тут многое напоминает мой дом, – Лиза погладила ствол ближайшей березки. – Даже здесь, на крыше. Сама не знаю почему.

Я нахмурилась. Потому что неожиданно подумала, что знаю ответ. Дело заключалось не просто в руинах или подвалах, а в том, что любые постройки – они ведь тоже страдают. Может, даже душа у них есть – у каждого здания – своя отдельная. И когда их разрушают взрывающимся металлом, что-то с ними происходит. Они словно просыпаются. Совсем как люди. Пока ведь не порезался, ничего не чувствуешь, а распорол рану, укололся или ударился – и заболело. Вот и разрушенные здания тоже начинают болеть да мучиться. Может быть, надеются, что придет неведомый строитель-врач и вылечит их. Возможно, даже жалеют тех, кто прячется в их ненадежной скорлупе. Ведь, действительно, здание ЗБ приняло ее, как родную – перенесло вместе со мной. Может, потому и перенесло, что она была не случайной гостьей, а гостьей оттуда – из тех сгоревших подвалов и руин...

– Тут всегда так тихо?

– Смотря где, – я огляделась. – Хотя что-то и впрямь нас долго не тревожат. Обычно здесь каждые четверть часа кто-нибудь появляется.

– Наверное, дети в основном?

– Днем – да, а позднее и взрослые появляются. Иногда целыми делегациями забредают. Совсем редко – одиночки вроде меня, чаще – группы по пять и более человек.

Я вспомнила про журналистов, снимавших здесь репортажи, но далеко они не заходили. Отщелкивали положенное количество кадров, бубнили что-то в микрофоны и смывались. Вот фотографы экстремалы – те могли и в подвалы забраться, и на крышу. Посмотреть тут было на что. И граффити местное часто снимали, потом на форумах выкладывали. Чистые-то стены в ЗБ давно стали редкостью, – всюду красовались стихи, пожелания, привычные глупости. Вроде «Не ешь суши, зри в душу», или «Сдохнем все под музыку Вивальди!». Но особое место занимали рисунки, и главными среди них были, конечно, знаменитые «Крылья желаний» с «Короной». Если верить байкам, «Корона» помогала решать застарелые проблемы, подсказывала верные решения, ну а «Крылья» переносили, куда просило сердце. Такое вот немудреное волшебство! А еще был «Кулак», проламывающий стену и дыра, пронзающая сразу две комнаты. Считалось, что тот, кто умудрится соединить свою силу с изображенным кулаком, станет на какое-то время непобедимым. Ну, или что-то типа этого. Неудивительно, что многие в подобное отказывались верить. Скажем, туристы из сталкеров и диггеров тупо отправлялись в подвалы. Чудеса им на фиг были не нужны – просто желали пощекотать нервы, бродили по тоннелям, ведущим в разрушенные мастерские, прачечную или морг. Лезли в любые дыры, крючья в стены вбивали, по шахтам лифтовым спускались. Таких ЗБ нередко наказывало – кто-то падал и ломал кости, другие голоса начинали слышать – охи там вздохи разные – ну, и улепетывали со всех ног. Находились и коллекционеры, мечтающие подобрать на память какую-нибудь уцелевшую склянку. Знали ведь, что уносить из ЗБ ничего нельзя, а все равно уносили. Раритеты потом продавали на тех же форумах. Ладно – хоть не мусорили, с этим тут всегда обстояло строго. Никто, понятно, не штрафовал, не следил, но как-то народ сам соображал, что за подобные шалости можно получить по маковке – в прямом и переносном смысле. О сошедших с ума поминали часто, была и история про одного буяна, расколовшем в вестибюле второго этажа с полдюжины бутылок. Он их попросту метал в стену, на которой поверх одного из граффити намалевал что-то вроде простенькой мишени. Минут через пять подобного цирка хрустнул потолок, и на голову «шервудскому стрелку» рухнула хороших раз-

меров доска. Если верить рассказам, чувак провалился без сознания несколько часов, а когда очнулся, прибрал за собой осколки и даже мишень попробовал со стены стереть. Во всяком случае, из ЗБ он убрался живехоньким. А в общем... В общем, всякое тут бывало – и веселое, и не очень. И смерти людские ЗБ видел не раз и не два. Обо всем этом я также поведала Лизе.

– Тут и карнизы смерти имеются, – я показала Лизе в сторону арочных окон. – Самые безбашенные по ним бегать любят. Храбрость свою проверяют.

– Ты по ним тоже гуляла?

Я поморщилась, хвастать тут было особо нечем.

– Ну, в общем, было дело. Гуляла несколько раз... Но только когда никто не видел.

– Боялась?

– Да вроде нет, не очень. Вот на других смотреть куда страшнее.

Лиза, поднявшись, приблизилась к арочному окну, выглянула наружу. А я и без того знала, что она там увидит – купола далеких церквей, махины навороченных высоток – в том числе и ту, с которой меня углядела Пигалица, а еще зеленое хвойно-лиственное море парка. Ну, и само ЗБ можно было получше рассмотреть – левое крыло здания, кирпичным мысом выпирающее в парковое море, средний полуразрушенный корпус с черными глазницами окон, одноэтажные кирпичики морга и прачечной. Сейчас мы располагались на самом высоком чердачном уровне, и панорама отсюда открывалась впечатляющая.

Я тоже поднялась и подошла к Лизе. Все было именно так, как я себе и расписывала. Разве что с правой стороны на уровне уличных фонарей парка маячила корзинка с оранжевым человечком. Что-то там чинили – то ли провода, то ли лампы.

– Хочу попробовать, – Лиза неожиданно перекинула ногу через кирпичную кладку и ступила на карниз. В пестром своем платье, легонькая и беззащитная, она показалась мне мотыльком, присевшим на солнечный абажур. Я сразу представила, как идет она по бетонному карнизу – сперва до ближайшего арочного окна, потом до поворота, и вот там... Там воображение мое воспротивилось, и внизу живота запульсировал пугающий холодок. Нет, я по-прежнему видела успокоительно толстую плиту карниза, но вот черная стена снизу, а после оглушающая пропасть в шесть этажей – это в моем сознании никак не укладывалось. Я точно вспышку увидела – ту самую, о которой рассказывала Лиза. И рука моя сама собой стиснула кисть новенькой.

– Не надо!

Лиза чуть нахмурила брови.

– Почему? Ты сама говорила: подростки тут вовсю бегают.

Сердце мое скакнуло раз и другой. Я прямо печенкой чувствовала, что Лизе ходить туда нельзя, да только язык словно прирос к небу, объяснить что-либо внятное я не могла. А вот пальцы мои знали, что делали – и еще крепче стиснули Лизину кисть.

– Ты чего?

Я с шумом выдохнула из себя, резко качнула головой.

– Не знаю, но я тебя прошу – не надо...

В недрах здания что-то утробно просело, где-то тяжело рухнули несущие балки, градом посыпались камни и кирпичи. Ничего этого мы, понятно, не видели, зато рассмотрели, как часть карниза вблизи поворота, отзываясь на позвоночный хруст здания, с треском провисла. Горсть потревоженной пыли облачком слетела с наклонной плоскости, распахивающимся вширь парашютом поплыло к далекому асфальту.

Лицо Лизы побелело, мое же наоборот побагровело еще больше. Зато сердце стукнуло раз и два – все равно как часовой, четко приставляющий к ноге приклад винтовки, а после пошло биться в прежнем бесшумном ритме.

Мы поглядели с Лизой друг на друга, и губы мои разъехались в кривой и, должно быть, не самой красивой улыбке.

– Ты знала? – прошептала Лиза.

– Дело не во мне, – объяснила я. – Дело в тебе, подружка.

– Во мне?

– Ага. Похоже, нашему ЗБ ты понравилась. Вот оно и предупреждает.

– Кстати, оно или она? – Лиза спросила это все тем же шепотом. – Больница – это ведь женский род, значит, она.

– Может, и женский, только то, что здесь обитает, это уже совсем иное. Потому и ЗБ – это оно...

Я сама прислушалась к тому, что сказала, и подумала, что получилось глупо и неубедительно. Однако Лиза и не думала хмыкать. Доверчиво кивнула и ответно пожала мою руку.

Глава 5 Этот сладкий Иномир

Помню, как нервировала меня фраза: «язык твой – враг твой». Это папа с мамой мне в разное время повторяли, да и сама я знала, что язычок мой способен на любые фокусы. Сначала трижды подумай, а потом промолчи. Это, кажется, уже французский поэт Анри Ренье изрек и тоже ведь в точности про меня! Только беда всех истин, что не доходят они до иных умишек. Вот и я забывала подумать и промолчать. Никак у меня это простое правило не вытанцовывалось. С той же Вервительевой, нашей классной, не так давно у нас вышла мощнейшая ссора. А всего-то и требовалось – пропустить слова учительницы мимо ушей. Она тогда по итогам годового диктанта разорвалась – ну, и сорвалась, понятно:

– Вас учат, учат, а вы! Да вы просто циничные, неблагодарные свиньи...

До этого класс пребывал в спокойствии, а тут все разом оживились, многие захихикали. Во всяком случае, на «свиней» просто нужно было реагировать, и я прямо с места ляпнула:

– А вот Чехов Антон Павлович однажды сказал такую удивительную фразу: «Умный любит учиться, а дурак – учить».

Стоило видеть нашу классную в тот момент! Во всяком случае, такую гамму разнополярных эмоций я наблюдала впервые. От неожиданности она опешила, от ужаса онемела, от осознания сказанного пришла в бешенство. Соответственно и лицо ее сперва побледнело, потом приняло зеленоваой оттенок, а после стало наливаться багровым заревом. Еще и глаза опасно вылезли из орбит. Короче, это было нечто! Разумеется, пошел ответный шквал – цунами и землетряс в одиннадцать баллов.

Но если уж говорить о Чехове, то его фразу, прежде всего, следовало отнести ко мне самой. Получается, что и я пыталась поучать Вервительеву. А значит, мало чем отличалась от всех тех поучителей, от которых ломило зубы и разыгрывалась мигрень. И если уж совсем честно, то в жизни своей я многих поучала. По глупости, понятно. За то, верно, и получила ответку. Лучших моих подружек судьба разбросала по свету, все прочие от меня разбежались, не выдержав нотаций и поучений. Одним словом – скользкая это вещь – чужие советы. Однако сегодня мне самой хотелось слушать, впитывать и учиться. Потому что Лиза действительно оказалась уникалом. Что-то такое она знала – какой-то рецепт, помогающий контакту с заброшенной больницей. Я-то на контакт с ЗБ шла годами, да и сейчас была не уверена в нашей дружбе с этим загадочным строением. Лизе же все давалось слету. Ведь не меня – её подхватило и перенесло незримым тоннелем в безопасное место. О ней побеспокоилось здание, заботливо предупредив про ненадежный карниз. Значит, было в ней что-то особенное – возможно, то самое, что привезла она с полыхающей огнем родины. Только вот вытягивать клещами такие тайны невозможно, да и вопросов правильных я не знала. Вместо этого я решила устроить ей маленькую экскурсию по самым интересным местам ЗБ.

С крыши мы перешли на дальний чердак и там, нырнув в узенькое оконце, спустились по качающейся лестнице на один пролет. Далее ступени заканчивались, и человек оказывался над темной пропастью. Понятно, что большинство любопытных здесь притормаживало, поворачивая назад. Но я-то знала, куда дальше двигаться. Рядом с лестницей провисал одинокий кабель, и с помощью него мы точно альпинисты спустились на лестничную, заваленную обломками площадку. Перебравшись через груды досок и обломанной штукатурки, наконец-то проникли в хирургическое отделение. В сгоревшем дочерна коридоре я провела Лизу мимо безмолвных палат, по краешку обогнула место, где в полу зияло огромное сквозное отверстие. Такую же дыру можно было разглядеть на пятом, четвертом и третьем этажах – точно не пожар проделал все эти разрушения, а некое гигантское ядро – вроде Челябинского метеорита, пробившее крышу, а следом и все нижние перекрытия.

– Здесь уже двое падало, – шепотом пояснила я. – Один на смерть разбился, другой отделался переломами. А еще сюда упала собака...

Лиза молча кивнула. Я повела ее дальше, попутно потеряла плафон на стене. Однажды он и впрямь вспыхнул при моем приближении. Очень уж я тогда углубилась в свои пасмурные мысли – ничего не видела и не слышала. А тут разом пришла в себя и в неровном электрическом свете разглядела несущегося на меня пса. Вид у него был ужасный: пена стекала с нижней челюсти, глаза горели безумными огоньками, а грязная шерсть топорщилась во все стороны. Я почему-то сразу поняла, что собака бешеная. Застынь я на месте, и неизвестно чем бы все кончилось, но я прыгнула в ординаторскую и подхватила с пола кусок штукатурки. Не бог весть, какое оружие, но ничего другого под рукой не оказалось. Всхлипывающий нездоровыми легкими и харкающий пеной, зверь пролетел мимо. Я не сомневалась, что он вернется, но пса повела скорость. Не на шутку, разогнавшись, он поздно начал тормозить, а впереди уже распахнула свою пасть промоина в полу. Я не видела, как он падал, но слышала его недолгий визг...

Я и теперь ждала, что плафон вспыхнет – может быть, поприветствует нашу новенькую, но на этот раз чуда не вышло. Уже перед входом в ординаторскую, я обернулась к Лизе.

– Здесь на стене изображена корона. Никто не знает имени художника, и когда именно появилась эта картинка, но я хочу сказать, что это не просто картинка.

– Это я уже поняла, – тихо отозвалась Лиза. – Простого тут ничего нет.

– Это точно! Причем заметь, тут ведь все горело да полыхало, и дверей никаких давно уже не было, а кабинет уцелел.

Мы шагнули внутрь.

В отличие от уничтоженного этажа в ординаторской кое-что уцелело – пара стеклянных столиков, шкаф с запыленными полками, настенный календарь и даже вполне уютный матерчатый диванчик. К слову сказать, и плитка на стенах – довольно нарядная с нежными салатного цвета цветочками – тоже осталась в сохранности. Никто не пытался ее ободрать, никто не пачкал ее непристойными надписями. «Корона» была единственным граффити, украсившим ординаторскую – величественная и впечатляющая, изображенная как раз на уровне человеческой головы.

Про «Корону», кстати, тоже много чего болтали – и про то, что она дает ответы на самые мучительные вопросы, и про то, что погружает в сон, стирая ненужные воспоминания, а кому-то наоборот возвращает память. Один чувачок писал в форуме, что, простояв под короной с пяток минут, вспомнил свою прошлую жизнь – как был он не человеком, а каким-то ящероподобным зверем, как ломал папоротник и скакал по болотистым джунглям. Занятный такой был рассказ. Человек триста на него откликнулось с комментариями. И я не знала, верить или не верить. Потом сама раз двадцать собиралась с духом и вставала под корону, однако ничего особенного со мной не происходило. То ли не было у меня особых вопросов к ЗБ, то ли все мои воспоминания, добрые и не очень, должны были оставаться на своем положенном месте. Короче говоря, это было место, которое мне никак не удавалось оживить. А вот Лиза... Мне почему-то очень хотелось, чтобы у нее сегодня что-то получилось.

– Если встанешь сюда, будет считаться, что ты надела корону, – объяснила я. – И тогда самое заветное сбудется.

Лиза нахмурилась.

– Это точно?

Я пожала плечами.

– Так пишут в инете. Все те же мифы и легенды древней Греции.

– А у тебя что-нибудь сбывалось?

Очень хотелось сказать «да», но, преодолев искушение, я честно помотала головой.

– Один только раз что-то было похожее. Меня собака тогда могла покусать, а я успела сюда заскочить. Ну, а псина сорвалась в дыру и разбилась.

Рассказ мой прозвучал как-то очень уж буднично, и я торопливо продолжила:

– Та псина бешеная была – наверняка бы меня цапнула. А еще я точно знаю, что это помещение должно было сгореть, но оно уцелело, понимаешь? Значит, есть какие-то силы, что могут влиять на здешние события.

– Может, и правда они есть, – Лиза шагнула к граффити, но остановилась.

– А желания исполняются любые?

– Ну, это уж какие само ЗБ выберет. Главное, что это будут ТВОИ желания. Кому-то оно мозги вправляет, решение подсказывает. А кому-то память древнюю возвращает.

– Древнюю – это как?

– Ну, можно прошлые жизни вспомнить. Как ты умирала или подвиг какой-нибудь совершала.

Лиза отодвинулась от стены – как мне показалось – даже с некоторым испугом.

– Тогда лучше не надо, – она отстраненно посмотрела на меня. – Есть такие желания, которым лучше не сбываться. Да и вспоминать, честно говоря, не всё хочется.

Не скажу, что я была разочарована, но... Чего-то в тот день я, видимо, очень ждала. Какого-то нового откровения. Ведь Лиза была не просто со мной, она была здесь – внутри.

– Наверное, ты знаешь, что делаешь, – я протянула ей руку. – Если хочешь, мы можем уйти из здания.

– Да нет, я бы, наверное, еще посмотрела.

– Тогда пошли...

Она наконец-то взяла мою руку. Пальцы у нее оказались тонкие и сильные – совсем как у скрипача или пианиста. У Катюхи, помнится, были такие же. Стоило и Лизу спросить об этом, но я почему-то не решилась. Страшновато было спрашивать о прошлом. Но если Лиза занималась когда-то музыкой, то здешние мелодии наверняка могла услышать, а, услышав, разгадать и перевести на доступный мне язык.

Мы спустились еще на этаж – на этот раз по мраморной лестнице с массивными перилами.

– Смотри, и здесь все уцелело. Мрамор совсем без трещин.

– Еще бы! Такой тысячу лет простоит.

– А балясины какие красивые!

– Ты про эти столбики?

– Ну, да, только правильно их называть балясинами.

– Смешное слово, – я погладила ближайшую балясину. Она напоминала шахматную изящную ладью – холодная, гладкая, без каких-либо следов копоти.

– Хотела бы я посмотреть на лестницу в те годы. Прямо дворец, а не больница!

– Это еще что, – я улыбнулась. – В левом крыле в приемном покое зал был украшен яшмой и малахитом.

– А янтарные комнаты здесь случайно не водились?

– Янтаря не было, а вот яшмы и позолоты хватало. Строили-то еще до Великой Отечественной – с имперским размахом. Правда, камни повывокыривали в первый же год – причем не бомжи, а те, кто закрывал больницу. А такая красотень была! – я чуть улыбнулась. – Мне знакомые про Ховринку рассказывали. Это в Москве огромная такая больничка – тоже заброшенная. Четырехуровневый подвал, десять этажей – вот только никто там не жил и не лечился. Ее просто не достроили. Потому и душа у нее пустая. В ЗБ жизнь была, все стены пропитаны чужими судьбами, а в Ховринке мертвый камень. Ребята говорили, что она потому и мстит всем, кто в нее приходит.

– Потому что не достроили?

– Ну, да, так и не вдохнули душу. Оттого и погибло там уйма народу, да и в землю она не просто так проваливается. Между прочим, сверху она похожа на знак биологической опасной – амбрелла.

– А ваше ЗБ на что похоже?

Я пожала плечами.

– Даже не знаю... Кто-то говорит, что это гигантская буква «Ч». Ну, и, понятно, тоже придумывают всякие пугалки: «ЧП», чертовщина, чудо, нечто чрезвычайное... Но мне, если честно, ЗБ всегда напоминало корабль. Огромный доисторический, однажды подбитый и утонувший.

– Получается, мы с тобой сейчас на дне?

– Во всяком случае, не в городе, это точно...

– Не в городе? – Лиза, пожившись, оглянулась по сторонам. – Ты говорила, здесь всегда кто-нибудь ходит.

– Ну да, мы с тобой и ходим, разве нет? – я заглянула в проем между перилами. – Хотя и впрямь странно. Я уже на крыше это заметила. Тихо, никто не верещит, не мешает...

Мы прошли еще двумя коридорами, свернули в главный корпус. Здесь я показала Лизе шахту лифта – еще одну достопримечательность ЗБ.

– Говорят, если сунуть туда голову и долго прислушиваться, то можно услышать голоса всех погибших в больнице.

– А много их здесь погибло?

– Никто толком не знает. Только когда в шахту упала девочка, возле главного входа камеру установили. И еще несколько снаружи подвесили.

– Значит, нас тоже могут увидеть?

– Это если мы через центральный вход вздумаем выбираться, но мы другой дорогой пойдём. Выходов здесь навалом.

Я показала Лизе конференц-зал, превращенный в настоящую галерею. Стены этого зала украшали десятки черно-белых и цветных картин, перемежаемых вызывающими надписями. Прямо с галереи, минуя одну из недавно установленных камер, по длинному балкону провела гостью к винтовой лестнице. В этом месте я тоже ждала от ЗБ сюрпризов. Увы, ничего не случилось, мы беспрепятственно вышли к черному зеву подвального помещения.

– Вот и главный спуск в больничные подвалы. Только туда сейчас лучше не лезть – воды по колено, а где и по пояс. Надо либо в сапогах, либо через южное крыло. Но все равно перепачкаемся.

– Тогда лучше воздержимся...

На чудо я уже почти не надеялась – шла и просто показывала коридоры и комнатки ЗБ, обрушенные перекрытия и пролеты. Я ведь давно уже поняла, что у нашего ЗБ, как у всякого природного явления имелись свои тайные циклы с перемежающейся активностью и затуханием. Иногда ЗБ выходило на связь легко и быстро, иногда крайне неохотно. Во всяком случае, предсказать какую-либо периодичность представлялось задачей абсолютно невозможной. Однако человек – существо ненасытное, вот и мне хотелось еще чего-нибудь – пусть самой пустяковой малости. Просто на посошок.

Ноги начинали уже ныть, да и Лизу разок неустойчиво качнуло. При этом она вдруг спросила:

– Слушай, Лер, а ты когда-нибудь напивалась?

Я ответила не сразу – сперва бдительно взглянула себе под ноги. Чтоб не споткнуться на лжи.

– Нет, конечно. Зачем мне это надо?

– И не курила никогда?

– Еще чего! Пакость эту в рот брать.

На этот раз шаг мой также не сбился, курить я и впрямь не пробовала. Даже когда в день очередного перемирия Альбинка принесла в школу блок дамских сигарет. Это она именины так отмечала – вместо конфет сигареты раздавала: верным соратницам по пачке, недругам по сигаретке...

– А я вот напилась однажды, – простецки призналась Лиза. – И накурилась. Все в один день.

– И как?

– Никак, – Лиза тоже внимательно смотрела себе под ноги. – В тот день наш дом разбомбило. Сад яблоневый сгорел, баня, а вместо дома только груда обломков осталась...

Моя подруга остановилась, и следом за ней я тоже замерла на месте.

– Слышишь?

Ну да, это была все та же мелодия – по-прежнему приглушенная, как будто музыканты скрывались где-то в далеких недрах ЗБ.

– Виолончель, – Лиза радостно улыбнулась. Точно и не было страшной фразы насчет сгоревшего сада и погибшего дома. – А еще ксилофон и что-то непонятное, похожее на орган...

Я облегченно выдохнула. Орган там или что другое, но Лиза слышала то же, что и я. По крайней мере, одна из задачек благополучно разрешилась. В том смысле, что музыка была не моим бредом и глюком, а чем-то вполне реальным.

В следующую секунду Лиза уверенно указала рукой.

– Это совсем рядом – вон за тем поворотом.

– А, по-моему, гораздо дальше и где-то наверху, – возразила я.

– Нет, – Лиза с решительностью взяла меня за руку и тронулась по темным паркетинам. Я не сопротивлялась – наоборот даже обрадовалась. Мы поменялись ролями, и теперь она вела, а я подчинялась.

Два обгоревших провала в стене, еще один провал на месте бывшей палаты и поворот. Нет, музыка не зазвучала громче, но Лиза шла, ничуть не сомневаясь в своей правоте. Весь вид ее говорил о том, что она точно знает об источнике музыки.

– Вот. Это здесь...

Мы замерли перед очередным припорошенным золой порошком. Я заглянула внутрь. Обычное помещение, каких здесь насчитывались сотни – закуток, в котором, может быть, отдыхали когда-то медсестры – что-то вроде кухоньки, уютной и маленькой. Сейчас тут, понятно, было пусто – голые стены, следы от нескольких розеток, свисающий с потолка разлохмаченный провод.

– Заходим? – Лиза первая шагнула вперед. Я прошла следом, и изумленно остановилась. Музыка, что еще секунду назад играла чуть слышно, одним крохотным прыжком усилила звучание, омыв нас теплой, абсолютно осязаемой волной. Мы, не сговариваясь, взглянули друг на друга, широко улыбнулись. Объяснений не требовалось. Мы не искали скрытых динамиков и радиоточек, мы просто стояли и питывались чем-то, что и музыкой именовать было сложно. Вспомнилось, что в инете это прозвали музыкальной шкатулкой. И народ еще всю потешался над выдумщиками. Впрочем, ехидства, порой вполне здорового, на форумах всегда хватало. Потешались над хронокомнатой, смеялись над «Крылышками», особый восторг у шутников вызывали рассказы о вай-фай зонах, которые в ЗБ проключались тут и там с непредсказуемым постоянством. Словом, если бы снежный человек был, его давно бы не было – примерно так. И логика материалистов выглядела непробиваемой: если что-то падает, это наверняка камень, если что-то летит, то птица или самолет. Никаких сомнений и никаких вариантов. Аксиоматическое сознание, как выразился один из случайных гостей форума. Ему кто-то возразил, назвав явление значительно проще: «дебилизм». Тут на них и посыпалось – смешки, хохмы, подначки. Завалили умников по самые маковки. Шапками закидали. Больше те ребята не высывались.

А музыка, словно массаж продолжала оглаживать тело. На какое-то время я даже зажмурилось. Жар ручейками разбежался по жилкам, рассыпался щекочущими искрами, зажигая маленькие огоньки там и тут. И, продолжая стоять посреди темной комнатухи, я в то же время витала где-то над крышей здания, летела свободно по темным коридорам – да и не темным уже – они посветлели, точно время отлестнуло назад тридцать-сорок лет.

Память! Меня только сейчас осенило. Это была память ЗБ, в складочку которого мы нечаянно провалились. Точнее нас затащило, и музыка была тем самым течением, что подсказывало нужное направление. Мы пошли, и нас пропустили. Лиза стояла чуть впереди, и я знала, что она испытывает то же самое.

Блаженство? Нет, это было что-то куда более значимое. Мы путешествовали в пространстве и времени. Наш полет не был поиском непознанных земель или неоткрытых белых пятен на карте, это было нужно нам самим и тому неведомому, что пыталось научить нас чему-то важному.

– Смотри! – шепнула Лиза, а, может, только подумала, но я прекрасно ее поняла. Потому что тоже подняла голову и увидела, что пейзаж за окном изменился. Верхушки парковых сосен и тополей исчезли, вместо них поднялась подобием купола синяя исполинская стена.

Море? – не сразу сообразила я. Здесь у нас, на Урале, настоящее море?! В мелодию вплелись крики чаек, а наше ЗБ стало скалистым берегом... Боже, когда же это все было? Уже и не в прошлом столетии-тысячелетии, а миллионы и миллионы лет тому назад. Кембрийское море с латимериями и целакантами мерно дышало за окном, и гаснущее у горизонта солнце тянулось к нему губами, багровело от нечаянных мыслей, готовясь утонуть в синеве на одну короткую ночь.

Мы подошли ближе, замороженные зрелищем. Уже и не зола шуршала под ногами, а похрустывали морские раковины, поскрипывала галька. Время капало точно смола – сладкими каплями стекали минуты и застывали загадочным янтарем. Меня ощутимо покачивало, ни говорить, ни обсуждать происходящее совершенно не хотелось. Море смотрело на нас, и мне кажется, оно тоже улыбалось, как только способна улыбаться вода – мириадами чешуек отраженного заката – золотистого, с оттенком багрового...

Тень промелькнула перед внутренним взором. Неприятная и стремительная. И вовсе не чайка это была, не птеродактиль. Точно кто плеснул за ворот холодной водицы. Я сморгнула. За окном вновь шумели тополя, а Лиза, нахмурившись, указывала куда-то вниз. Опустив голову, я разглядела милейших одноклассниц, словно гончих спешащих по нашему следу – семь фигурок, решительно рвущихся к близкой цели. Похоже, и они нас увидели, потому что яростно принялись жестикулировать. Будь у них ружья – наверняка устроили бы канонаду. Но странно, никакого зла я к ним больше не испытывала, – одну лишь жалость, какую чувствуют родители, глядящие на своего несмышленища, вновь и вновь тянущегося ручонками к раскаленному утюгу.

Глава 6 Запах Тайны

Анализ наш не страдал логикой. Мы просто высказали свои предположения и решили готовиться к худшему. Лиза полагала, что свита Альбинки не зайдет в ЗБ – побоится и останется караулить снаружи, но я-то знала своих одноклассниц много лучше – и потому сказала, что обязательно пойдут внутрь. А если испугаются, Альбинка силой их загонит.

– Так уж и силой? – усомнилась Лиза. – Одна?

– Во-первых. Альбинка не любит проигрывать, а сегодня мы явно ведем в счете. Кроме того, у нее есть Сонька Шведова, живой молотобоец в женском обличье. Надо будет – пустят в ход и физическую силу. Так что никуда не денутся – пойдут, как миленькие.

– И что же будет?

Я пожала плечами. Этого я знать не могла. Тем более что вариантов хватало. Мы могли спрятаться, могли просто побегать по бесчисленным лабиринтам ЗБ, которые я знала в сто раз лучше наших преследовательниц, могли даже заманить их в подвалы, куда мало кто суется, или в какой-нибудь из ветхих коридоров, но это уже пахло откровенной бедой, и такой вариант я просто не рассматривала. А еще можно было дать нашим противницам бой, но две русалки против семерых моржих вряд ли выстояли бы долго. Это с одной Маркушиной я легко бы управилась, но если в дело вступит главный калибр, нам несдобровать. Пожалуй, одних Сонькиных кулаков за глаза хватит обеим, а уж помимо кулаков прекрасная половина нашего класса не постесняется пустить в ход и ноги. Это пусть в фильмах причесанных да мармеладных показывают пай-девочек и барышень из Смольного да прочих оранжерейных гимназий, я-то уже после первого детского лагеря знала, что иные бой-девочки ведут себя страшнее самых отпетых парней. Кстати, именно из-за парней самые жуткие драки среди нас и случаются. Только сор из избы не выносят, в этом смысле мы куда более скрытные, и о девчоночьих баталиях обычно не знают ни учителя, ни родители, ни сами мальчишки.

– Ну? – Лиза выглянула из-за моей спины.

– Разделились, – сообщила я. – У входа остались Янка Хавронина с Галкой, остальные зашли внутрь – причем через окно приемного покоя – значит, в курсе насчет камер слежения.

– Получается, кто-то из них тоже сюда заглядывает?

– Да не факт. Про камеры можно узнать из инета. Там полно зэбэшных блогов. Да и тут хватает своих знатоков – билдинг-готы, сталкеры, проводники. Кто-то даже платные экскурсии в ЗБ организует – вот и пиарятся, как умеет.

– Завлекают?

– Ну, да. Страшилки выдумывают, а то и видеомонтаж какой-нибудь делают – вроде тывк Хэллоуина. Не так уж сложно – слепил этакое чудо, снял вечерком в подвале под визги-крики, а после смело выкладывай в сеть.

– И верят?

– Конечно? В такое всегда хочется верить. Так что сюда многие нос суют. Считай, все ненормальные из области у нас поперебывали.

– Мы с тобой тоже из их числа?

– А ты сама как думаешь?

Лиза улыбнулась.

– Когда-то я думала, что все мы нормальные. Я, друзья мои, родственники, соседи, большинство живущих на планете.

– А теперь не думаешь?

– Теперь нет.

– Ну, и зря. Я у одного умного человека прочла, что любые нормы относительны. И он же, кстати, уверял, что абсолютно нормальные люди и есть самые страшные.

– Это почему?

– Ну... – я неопределенно покрутила в воздухе пятерней – словно тесто месила из невидимых мыслей. – Наверное, потому что всех других они считают ненормальными и нагибают, как только могут. Соньку нашу видела? Она уже сейчас под центнер весит. Я ее раньше жалела, да и другие жалели – относились вполне по-человечески, не дразнили. А потом она в инете стала высматривать все эти парады да конкурсы толстяков – ну, и пошла нас всех причесывать.

– Это как?

– Да очень просто. Сначала у нее в мозгах перекосяк произошел – всерьез поверила, что быть толстым модно и круто. А потом еще и сообразила, что может легко побить любого сверстника. Ну, и всё – переключило девку. Собирается после школы вовсе из страны уезжать – чтобы, значит, тусить среди таких же, как она. Поэтому только языки и учит, на остальные предметы положила с прибором. А таких, как мы, откровенно считает уродами. Один раз брякнула, что худое население скоро вымрет. А кто не вымрет, те работать на них будут, представляешь?

– Это она всерьез?

– Еще как всерьез! Я же говорю – переключило человека! Сперва с килограммами воевала, а потом Альбинка ей песенок напела, и началось.

– Но с Альбинкой-то она дружит.

– Дружит! – я фыркнула. – Забудь это слово, подруга. Даже я в него временами не верю, а у них там и вовсе построено все на чистой выгоде. Альбинка сильна мозгами, Сонька – телом, вот и получается симбиоз. И прочие к ним пристраиваются, потому что стая – это стая.

– Ага, а банда – это банда, – Лиза вновь улыбнулась, но на этот раз совсем грустно. – Значит, мы с тобой тоже... Вроде симбиоза.

– Друзья поневоле? – я рассмеялась по возможности естественнее. Легко изображать из себя всезнающего философа, но не признаваться же, что в реалиях я – дура душой и мало что смыслю в подобных психологических кружевах. Хотя и ломала голову над этим кучу времени. И на друзей охоту отчаянно продолжала, не соглашаясь ни на какие симбиозы, но... В чем-то Лиза была безусловно права. Товарищи по несчастью легче сходятся – в армии, на необитаемой острове, в классах. Просто некогда мозги напрягать в поиске духовной общности – работает тупое правило: тут свои, а там чужие. Короче, все та же война – и вовсе даже не до победного, поскольку победа на фиг никому не нужна, а нужно состояние борьбы и напряжения, чем и пользовались во все времена господства политики...

Все это вихрем прокрутилось в голове, оставив хаос и руины. Прямо какой-то дурной торнадо. Проще было соврать, да только врать мне не хотелось.

– Не знаю, – я вздохнула. – Просто мне сейчас очень паскудно. Последние друзья разъехались, остальные перебежали к Альбинке. Ты же видишь, как она всеми крутит.

– Я поняла, можешь не продолжать, – Лиза неожиданно взяла меня за руку – и одним этим движением привела мои мысли в порядок. А главное – все мои рассуждения о дружбе-недружбе разом отодвинулись в далекое далеко. Лиза была здесь рядом, и ее присутствие срабатывало лучше любого успокоительного.

– Интересно, где наши забияки? По идее, уже должны быть здесь, – я осторожно высвободила руку, кивнула в сторону окна. – Смотри, эти двое по-прежнему там, а остальных не видно.

– Мне кажется, они и не дойдут сюда.

Я молчала, пытаюсь осмыслить сказанное. Затем снова приблизилась к окну. Подняв головы, Янка с Галка уставились в нашу сторону. Они тоже выглядели озадаченными. По всем прикидкам свора Альбинки давно должна была добраться до нас, однако мы их даже не слышали. А ведь шум голосов и шаги в пустующем ЗБ разносятся довольно далеко.

Память скребнуло воспоминание о тех шестерых пропавших подростках. В самом деле, что стоило ЗБ повторить тот случай? Бэмс! – и еще одна коллективная утрата. Только на этот раз при свидетелях, да еще и виновниц потенциальных не надо искать – готовенькие имеются.

У-у, да родители пропавших такую бучу поднимут, такой гвалт устроят! И снова ломанутся в ЗБ журналисты да поисковики. А после и вердикт суровый примут – где-нибудь на уровне Кремля: старое здание обложат взрывчаткой, и уже через месяц здесь будет пустырь, на котором начнут возводить очередную громадину торгового центра.

Не-ет! Этого я решительно не хотела. К черту торговые центры, к черту журналистов! Пусть ЗБ остается мрачным реликтом – таким музеем под открытым небом, и не надо новых жертв...

Я высунулась из окна по пояс, повертела головой. Правое крыло здания пустовало, на карнизах и крыше тоже никто не маячил, а вот в окнах левого более дальнего крыла промелькнули чьи-то тени. Я прищурилась. Точно! Уж грузную Соньку трудно было с кем-нибудь спутать. Значит, наши преследовательницы зашли в ЗБ здесь, стали подниматься по мраморной лестнице и очутились совершенно в ином крыле. Круто!

Сердце восторженно ворохнулось в груди. Я даже не удержалась и любовно погладила каменный карниз. ЗБ снова нам помогало!

– Пошли! – я ухватила Лизу за руку, потянула на выход.

– Куда?

– Их перебросило, понимаешь? Я видела Альбинку – в гастроотделении – бродит там вместе со своими пристяжными, шагов за двести отсюда.

– Вот это да!

– Второй перенос! За один-единственный день! Да плюс море, карниз, музыка. Значит, уже пять раз! – я ничего не поясняла, но Лиза согласно кивала. Мы весело мчались вниз по лестнице. Пять чудесных явления за столь короткий период – это хоть кому вскружит голову. Но главное – нам не стоило здесь задерживаться. Есть такая пословица: хорошего помаленьку. Выиграл в карты раз, не садись играть во второй – обязательно проиграешь. А хуже того – не повезет уже никогда. Фортуна – дама капризная, и мы свой лимит на сегодня исчерпали.

– Пока эти курочки шарашатся по коридорам да глаза протирают, успеем спокойно выбраться.

– Но там же эти стоят...

– Нормалек! С этими как-нибудь договоримся.

Проскользнув мимо камер, мы вылезли наружу через пролом в стене, спрыгнули на битые кирпичи.

Увидев нас, Галя с Янкой попятнулись.

– Не дергайтесь, вояки, бить не будем! – успокоила я, делая несколько шагов в их направлении. – Будем разговаривать.

– О чем нам с вами разговаривать?

– Да уж найдем тему. Хотя с тобой, Галочка, нам, действительно, толковать не о чем. Ты ведь у нас так – ни рыба, ни мясо, и впрямь – галочка, почеркушка в блокнотике. А если точнее – девочка на побегушках, точно? А вот Хавронину я бы хотела спросить, – я снова сделала осторожный шагочек. – Мы ведь дружили с тобой, правда, Яночка? Вспомни-ка!

– Чего вспоминать-то?

– Еще пару лет назад вместе по улицам гуляли, чебуреки в кафе трескали. Я, ты, Стаська с Катюхой. Еще и Надя с Маринкой рядом сидели. Ну, скажи: плохо нам было? Или кто-то тебя обижал?

– Чего ты нам мозги крутишь! – попробовала вмешаться Галка, но я показала ей кулак.

– Помолчи, а? Или мало тебе крапивки? Так я добавит могу, – завтра в школу в волдырях приползешь. А может, вообще не сумеешь дойти.

– Ты догони сперва! – дерзко огрызнулась Галка.

– Я и догонять не буду. Вон камушек подниму и прицелюсь как следует, – пригрозила я. – Поэтому завяжи ротик шнурочками. На три узелка.

Галка ошарашено замолчала. Можно было продолжать разговор.

– А вот тебя, Ян, действительно, хотелось бы понять. Эти ладно – обычные рабыни, поманили – и легли под Альбинку. Тебе-то чего не хватало? Кто тебя предавал или отталкивал? Вспомни, сколько Стаська тебе помогала...

– И где она теперь? Стаська твоя? – Яна Хавронина тоже хорохорилась, хотя видно было, что девчонка напугана. И глазки у нее заматались туда-сюда – точно искали, за какую спасительную соломинку ухватиться.

– Стаська уехала не по своей воле, ты знаешь. Лучше вспомни, как парни тебя Хавроньей пытались дразнить? Кто им мозги вправил? Может, Альбинка? Или Сонечка ваша всеильная?

– Не больно-то они и дразнились.

– Дразнились-дразнились, я-то хорошо помню. И Галка вон помнит, потому что тоже хихикала. А я с Карасем поговорила, Олега по двору пендалями погоняла – и перестали.

– И че? Всю жизнь тебе руки целовать?

– Зачем? Ты человеком оставайся, Яночка. Ты ведь хорошей была, рисовала круче всех, танцевала. Еще и музыкой мы обменивались – забыла уже?

Янка покраснела, про музыку она, конечно, помнила. Потому что вместе с Катюхой занималась по классу фортепиано. Мы и на концертах у нее были – в качестве группы поддержки, и по инету мотались – скачивали оздоровительную музыку для матери ее лежащей в больнице. Для Янки диски нарезали – с панфлейтой, скрипичными концертами, с органом. Янка музыку обожала – после школы собиралась продолжать музыкальное образование. Да чего там! – в те времена она и впрямь была совершенно иной – доброжелательной, спокойной, улыбчивой. Честно сказать, именно ее предательство более всего вышибло меня из колеи.

– Так что, Ян? Друг познается в беде, а подруга в биде? Лучше быть на материке, чем на острове?

– Причем тут остров? – Яна опустила голову, да и плечи у нее как-то опали. Злость моя разом пошла на убыль. Если стыдно, значит, не все еще потеряно – живой человек, не умер.

– Ладно, Ян, живи, как знаешь. На тебя, – я нарочно выделила это «тебя», бросив уничтожающий взгляд на Галку. – На тебя я зла не держу. Только и ты постарайся – не растеряй последнее.

С противником было покончено, я огляделась. Окна ЗБ пустовали, свора Альбинки по-прежнему плутала где-то в обгорелых недрах здания, и можно было только пожелать им долгого путешествия. Нам здесь делать было нечего, и, кивнув Лизе в сторону парка, я первой зашагала по дорожке. Мимо понуро стоящей Янки Хавронинной, мимо напряженной Галки.

Глава 7 Кража

Между тем, странный Лизин вопрос я не забыла. Про то – напивалась я или нет. Потому что соврала и потому что напивалась. Это в неполных-то двенадцать лет! Только разве про такое расскажешь? Да еще в стенах ЗБ, где случайно оброненное слово может обернуться чем угодно. Может, оттого и всплыло за окнами древнее море? Мы ведь даже запах его ощущали! Слышали шелест волн. Точно некий доисторический великан выбрался из пыльных хронопластов и, прильнув к обгоревшим стенам, решил внимательнее изучить своих далеких правнуков, давным-давно разучившихся дышать жабрами и утерявших хвост с плавниками. Возможно, он просто любопытствовал, а может, ему хотелось копнуть глубже, послушав наши истории – о том, как у Лизы взрывом разметало родной дом или как я совершила свою первую кражу.

А кража и впрямь была. То есть, сначала кража, а потом мерзкое, по сию пору памятное амбре выпитого алкоголя.

Деньги я украла, сбросив их с чужих телефонов. Простенькая такая операция – всего пара минут и понадобилась. Но если рассказывать по порядку, то там не с телефонов все началось, а с деток больных лейкозам. Это мама моя телевизор дома смотрела, ну, а я у себя в комнате шебуршила – уже и не помню, чем занималась. Только мама вдруг позвала меня – странным таким голосом:

– Лерочка, подойди сюда – посмотри, пожалуйста...

«Лерочка», да еще «пожалуйста» – это был перебор. Два добрых слова в одной фразе звучали более чем подозрительно. Понятно, я насторожилась.

– Чего там еще?

– Детей больных показывают, просят помочь.

Когда что-то просят – да еще, прикрываясь детьми, это отвратительно. Я сразу припомнила нищенок в нашем дворе, без особого стеснения пачкавших мордашки своим детям дорожной грязью. Чистеньким да ухоженным подавали меньше, вот они и готовили их загодя – каждое утро кутали в рубище, гримировали. Мама, может, это и не видела, а я-то видела не раз – потому и встопорщилась.

– Ага, знаю. Травмы-сопли, сю-си, пу-си, еврик дайте... Сначала разжалобить пытаются, потом деньги из карманов сосут.

– Не болтай, чего не знаешь! – голос у мамы прозвучал столь резко и незнакомо, что я тут же прикусила язык. Мама у меня вообще редко ругается – а в те далекие времена, когда я была маленькой, строго следила за языком – своим и папиным. И вроде получалось! Конечно, тогда еще война не разразилась, да и нервы нам всем школа не испортила, но все равно атмосфера в доме была на несколько градусов теплее. В общем, пришлось выходить из комнаты и встать рядом. Я и сама толком не знала, что увижу на экране телевизора, но без причины мама ни за что бы не вспылила. По телевизору же показывали мальчика лет пяти или шести. Обритый наголо, он лежал на кровати и говорил перед камерой. Видно было, что держался он из последних силенок, храбрым старался казаться, а у самого слезинка из уголка глаза выкапывалась, и ноздри подрагивали, словно вот-вот всхлипнет. Мне точно по голове кто треснул, в один миг я оглохла и ослепла. Только его одного видела и слышала – как обещает он больше не плакать, в какие игрушки играет и кем станет, когда выздоровеет. Еще он что-то рассказывал о своих друзьях, о маме, а потом... Потом последовал кадр с тем же мальчиком – уже на фотографии, а фотография стояла на свеженькой могиле. И дикторша сообщила, что мальчик не дождался помощи – потому и не выздоровел. Поздно пришли деньги, поздно отыскивали подходящего донора.

А дальше стали показывать других детей, рассказывать о фонде помощи и номере счета, на который можно эсэмэсками отправлять деньги. В общем, все то, о чем я недавно бряк-

нула, да только мальчик был самый настоящий, не выдуманный. И глаза его я никак не могла выбросить из головы. Я и губу себе прикусила до крови – так захотелось открутить назад эти несколько месяцев – разыскать его, обнять, утешить. И донором стать – отдать кровь, плазму, костный мозг – все, что понадобится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.